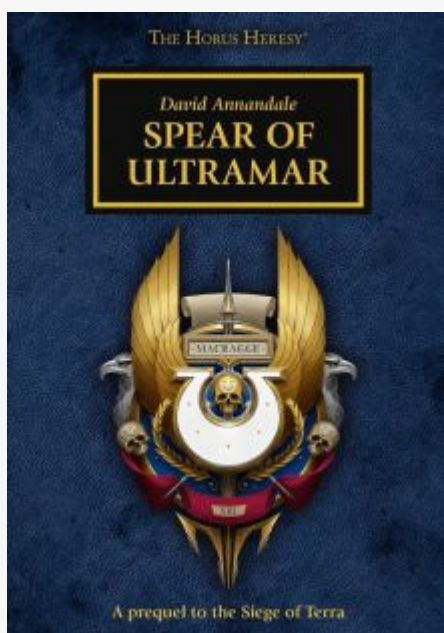

Копье Ультрамара / Spear of Ultramar (новелла)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Копье Ультрамара / Spear of
Ultramar (новелла)*

Автор	Дэвид Аннандейл / David Annandale
Переводчик	Ulf Voss
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Содержание

~ Действующие лица ~

Пролог

1

2

3

4

5

6

Эпилог

~ Действующие лица ~

Ульградесант

Робаут Гиллиман, примарх

Тит Прейтон, библиарий

Драк Город, командир телохранителей сюзерена Инвиктарус

Иас, магистр 22-го капитула

Иеракс, капитан 2-й роты разрушителей

Анталкид, дредноут, 2-я рота разрушителей

Клетос, легионер, 2-я рота разрушителей

Афовос, библиарий, 2-я рота разрушителей

Горфия, сержант третьего отделения, 2-я рота разрушителей

Ланат, пилот, 2-я рота разрушителей

Лукреций Корвон, капитан 90-й роты, Девятый капитул

Анцеван, сержант 90-й роты, Девятый капитул

Тулиан Аквила, капитан 77-й роты, Седьмой капитул

Васкас, сержант

Маэса, навигатор, «Ультимус Мунди»

Бетра Каллан, офицер ауспика, «Ультимус Мунди»

Тай Нетерциан, капитан корабля «Ультимус Мунди»

Железные Воины

Хроссус, кузнец войны, 134-я гранд-рота

Даруг, капитан

Вуртак, капитан

Навгар, сержант

Саварран, легионер

Несущие Слово

Кер Вантакс, верховный капеллан

Механикум

Риссин, магос доминус

Пролог

Непредвиденный фактор

Тронный мир ждет падения небес. Копошашиеся миллионы в трущобах под мануфакториями ждут удара, а над ними кузни лихорадочно производят продукцию для ожесточенной войны. На валах укреплений высотой с горные гряды закованные в броню гиганты маршируют среди многочисленных полков смертных солдат. Все их мысли и все их орудия обращены к небесам. В высоких башнях и рокритовых каньонах Императорского дворца часовые человечества ждут прибытия Предателей.

Приготовления завершены. Укрепления могучи. Архитекторы обороны Терры составили планы и отдали приказы. Больше ничего нельзя предпринять.

Кроме...

- Если ты досконально знаешь свои стены, - сказал однажды Рогал Дорн, - тогда в осаде может случиться коренной поворот, но подлинные неожиданности исключены.

Эти слова теперь не давали ему покоя. Он действовал согласно этому принципу. Он сделал все, что было в его силах, чтобы исключить любую возможность неожиданности. В этой войне уже случилось слишком много неожиданностей, и величайшей из них была сама война.

Стратегиум Великое Сияние - огромное сводчатое помещение внутри громадного неприступного квартала бастиона Бхаб - расположен концентрическими кругами, спускающимися от центральной платформы. Каждое кольцо выделено для отдельного уровня обороны. По каждой окружности тянутся пикт-экраны и пульта тактикариума. Рабы в мантиях наклоняют экраны вслед за движениями Дорна, так что они обращены к нему лицевой стороной, в какой бы точке стратегиума он не находился. Из центра примарх видит в сводной форме всю картину укреплений Терры. Он изучает вращающиеся гололитические экраны, показывающие сектора Императорского дворца. В помещении тихо, за

исключением редких очередей вокс-траффика, сообщающих об обновлении текущих диспозиций.

В стратегиуме нет окон. Стены купола показывают карты околопланетного космоса Терры, а гололитические проекторы демонстрируют орбитальные укрепления в реальном времени.

Дорн стоит на центральной платформе вместе с Малкадором. В этом месте примарх, в сущности, обладает властью бога. Любое изменение в этом зале, сделанное согласно его приказу, почти немедленно отразится в мире за пределами этих стен. Уже несколько часов он изучает каждую деталь укреплений и не проводит никаких изменений. Он не видит улучшений, которые можно внести в свою работу.

И все же он продолжает смотреть.

- Ты не доволен, - говорит Малкадор, прочитав выражение Дорна.

- А ты?

Худая фигура Сигиллита, облаченная в тень, стучит бледным пальцем по посоху - символу своей должности.

- Я буду доволен, когда закончится эта война. Только в этом случае. Но что беспокоит тебя, Рогал?

- То же, что и всегда. Слишком много переменных величин, слишком много неизвестных. И то, что мы знаем... - Дорн морщится. - Я бы изменил обстоятельства, если бы мог, но они такие, какие есть.

- Для этого нам нужен Гиллиман, - говорит Малкадор.

Дорн кивает.

- Я знаю, что из Ультрамара брошено копьё. Оно может пригвоздить Гора к нашим щитам. Но я не знаю, насколько быстро оно летит, или когда сможет ударить, или будут ли еще щиты, когда оно прилетит. И все же каждое вычисление победы зависит от его прибытия.

Он смотрит на ряды экранов, обдумывая каждую позицию и то, что понадобится для их преодоления.

«Нет ничего неразрушимого, - думает он. - Тот, кто считает иначе, уже наполовину побежден».

- Есть новости? - спрашивает он Малкадора.

- Обрывки от астропатических хоров, - отвечает Сигиллит. - В некоторых есть намеки, и во всех ничего определенного. Гиллиман приближается с галактического юга, но насколько быстро или насколько близко он может быть, мы знаем не больше, чем вчера.

Дорн поворачивается к стоявшему на платформе столу тактикариума. Темно-красные руны, обозначающие вражеские флоты, недалеко от Терры. Чудовищный кулак объединенных флотов Гора создает настолько огромную психическую волну смещения, что она становится смертельной для слабых астропатов. То, что приближается, настолько огромно, что его нельзя скрыть. Дорн может предвкушать прибытие врага. То, что он не может - это принимать или не принимать в расчет подкрепления.

- Знать, что Гиллиман слишком далеко, даже предпочтительнее, - говорит Дорн. - Если бы мы знали, что у Гора есть свобода действий в любом промежутке времени, то могли бы отбросить всякую нереалистичную и вредящую надежду.

- Выходит, твои оценки настолько безрадостные, - делает вывод Малкадор.

- Без Гиллимана? А ты как думаешь?

- Точно так же, - признается регент.

Дорн медленно идет по краю платформы, оценивая пространство стратегиума, снова осматривая весь объем своей работы.

- Я знаю наши силы. Я знаю много о вражеских. Я знаю достаточно, чтобы не суметь рассчитать итог. Если Гиллиман прибудет, баланс изменится. Если нет...

Малкадор кивает, но ничего не говорит.

Дорн прислушивается к сгущающейся тишине. Он почти слышит треск линий разлома в небесах, готовящихся к падению. Он хочет, чтобы брат ускорился. Чтобы Мстящий Сын обрушился огнем на предателей их отца.

Несмотря на то, сколь много он знает, Дорн начинает поддаваться соблазну надежды.

По ощущениям она больше напоминает искушение. А с приближением раскола небес - необходимость.

1

Копье и Молот

Каркас песочных часов сделан из кованого железа и ничем не украшен. Он держит кристаллические колбы в крепкой хватке, такой же непреклонный и равнодушный к мольбе, как и само время. Когда-то часы принадлежали приемному отцу Гиллимана - Конору. Они стояли в его личных покоях, в сенате Макрагга Цивитаса, и по воле случая и в силу своей прочности пережили удары и беспорядки войны. Кристалл иссечен, а железо опалено огнем, но песочные часы перекочевали с Макрагга на линкор «Ультимус Мунди». Они были старинными еще когда принадлежали Конору. Они слишком неточны для практического применения, но в качестве личного стимула служат хорошо. Тридцатисантиметровой высоты часы стоят в углу стола Гиллимана. Он начал пользоваться ими вскоре после сражения с Пожирателями Миров в системе Диаванос. Примарху важно не то, что часы отмеряют приблизительно час времени. Ему важен вид падающих гранул и заключенный в этом смысл уходящего времени.

Гиллиман впервые перевернул часы и позволил песчинкам упасть, когда увидел признаки изменения своей роли в этой войне. Гор бросил вызов, чтобы не позволить Сангвинию и Кровавым Ангелам достигнуть Терры. Гиллиман ответил тем, что оттянул на себя и свой более крупный флот больше войск врага, открыв путь Сангвинию.

Недавно тактика врага изменилась. И теперь то, что Ультрадесантники обнаружили или, говоря более практично, не обнаружили, прибыв в систему Апамея - это подтверждение факта, что война перешла в следующую фазу.

Тит Прейтон и Драк Город входят в кабинет Гиллимана. Лица библиария Ультрадесантников и командира личной стражи сюзерена Инвиктарус намекают на сдержанный и озадаченный оптимизм. Резкие черты и задумчивое выражение Прейтона подходят воину-ученому, его взгляд всегда

внимателен, и он никогда не выбирает простые решения. Город, наоборот, крупный даже по стандартам Легионес Астартес. Его массивная фигура скрывает благородство и ум.

- Как и говорили первоначальные сканирования, - сообщает Прейтон. - Враг покинул Апамею.

Гиллиман кивает. На огромном круглом дубовом столе в центре кабинета лежит карта галактического юга из веленеовой бумаги. Гиллиман положил на нее обсидиановые символы, обозначающие флот Ультрадесантников и силы предателей. Позиции предполагаемые. Он много раз передвигает их. Примарх принимает в расчет те обрывки реальной информации, что попадают ему на пути, но карта - одна сплошная теория. Он использует ее, чтобы проигрывать сценарии, чтобы проходить через один за другим варианты развития войны, чтобы найти самый правдоподобный и использовать его для направления своих действий. Он оставил символ врага на Апамее. Теперь он убрал его и держит в руках, обдумывая, куда его поставить.

- Где они? - спрашивает Город. - Эта система - большой куш, чтобы сдать ее без боя.

В Апамее есть два мира-кузни. Система все еще далека от Терры, позиция - не стратегически важная, но Гиллиман может воспользоваться ею для снабжения своих сил, как и Гор. Что Гор не мог сделать, а Гиллиман сделает - это собрать больше готовых верных армий для увеличения своей мощи. Даже если блокирование Кровавых Ангелов больше не является приоритетом, Апамея стоит того, чтобы ее удерживали исходя из большинства военных соображений. Только исключительные причины заставили бы покинуть ее.

- Следов боев нет? - спрашивает Гиллиман.

- Очень мало, - отвечает Город. - Определенные следы завоевания, когда предатели захватили систему. Но признаков недавних сражений нет.

- Они ушли, - заявляет Прейтон. - И их не выбили.

- Тогда куда они отправились? - задается вопросом Город.

- Сюда, - говорит Гиллиман и ставит значок рядом с самой крупной концентрацией вражеских флотов поблизости от Терры. У него нет сомнений в той картине, что он видит. В последних нескольких системах Ультрадесантники сталкивались в основном с символическими гарнизонами. А теперь ничего.

- Гор чувствует давление, - говорит Гиллиман. - Если он бросает захваченное, значит его цель более неотложна и критична, чем остановка Сангвиния.

- Значит, мы можем теоретизировать, что Кровавые Ангелы добрались до Терры, - говорит Прейтон.

- Думаю, так и есть. Два фактора давят на него. Этот - первый. Другой - давление, которое оказываем мы. Теоретически - Кровавые Ангелы на Терре, а Гор считает, что должен начать осаду и взять Терру до нашего прибытия, или он утратит свое преимущество. А вот это Бета-Гармон.

Примарх показывает на карте систему.

- Это ворота к Терре. Мы приближаемся к точке в этой войне, когда предположения исчезнут. Мы будем знать, что Гор должен сделать, а он будет знать то же о нас. И в конечном итоге это наиболее важная истина. Если у него будет шанс взять Терру, он должен появиться в скором времени.

- Только если он собирается захватывать Тронный мир, - вставляет Город. - А не просто уничтожить его.

- Он этого не сделает, - возражает Гиллиман. - Я думал, что знаю своего брата, и я ошибся во многих смыслах. Но я по-прежнему узнаю Гора, даже невзирая на те зверства, что он совершил. И я узнаю его подход к войне. Уничтожение Терры не удовлетворит его. Он не успокоится, пока не разгромит нашего отца. Не остановится, пока не докажет свое превосходство. Эта потребность - слабость. Она даст нам время.

- Достаточно времени? - спрашивает Прейтон.

Гиллиман бросает взгляд на гранулы, падающие в нижнюю часть песочных часов.

- Теперь это наш долг. Гарантировать, что времени у нас достаточно.

- Гиллиман придет в Карчеру, - говорит кузнец войны Хроссус. - Это не обсуждается.

- Его прибытие не тот вопрос, что заботит меня, - отвечает Вуртак.

- Не думаю, что вопросы вообще остались, - вставляет Даруг.

Хроссус минуту молча рассматривает своих капитанов. По его мнению, они оба правы. И он уверен, что они оба знают это.

Как и у него, лица капитанов покрыты шрамами от десятилетий сражений. Прямые черные волосы нависают над массивным лбом Даруга. Глубокопосаженные глаза напоминают горящие угли. Даруг давно похоронил свои последние мысли о надежде. Пламя в его взгляде - тлеющий вечный жар подземного пласта.

Огонь в глазах Вуртака более яркий и лихорадочный. Его шрамы выделяются ярко-красным цветом на бледной коже, а челюсть судорожно сжимается, когда он молчит, словно капитан перемалывает своим зубами ненависть. Он безрассуднее Даруга, хотя у Хроссуса ни разу не было причин обвинять его в нарушении дисциплины, когда речь шла об исполнении приказов и следовании боевому плану. Стратегически, если Даруг непоколебим, как артиллерийский обстрел, то Вуртак - это торпеда. Хроссусу нужны их дополняющие друг друга достоинства для задуманной им кампании.

Кожа Хроссуса серого цвета из-за покрытых струпьями ран и ярко-розового - из-за ожогов. Война сбила и отполировала его в слиток человеческого железа. Он знает, на что похож. На войну - беспощадную и жуткую. Так и должно быть. Он носит лицо правды и гордится этим.

Трое Железных Воинов стоят у выхода ущелья, ведущего к промышленному улью Сидерий. Неровный, с выбоинами скалобетон дороги разбит бесчисленными машинами, доставлявшими продукцию Сидерия в удаленные города. Горы сомкнулись вокруг города-кузни. Их вершины высоки и зазубрены, а склоны скал из чистого гранита, словно вырублены топором бога. Сидерий расположен в узкой чаше долины, он существует благодаря огромным богатствам рудных залежей региона и ненасытной жажде их извлечения.

В глубине долины воздух неподвижен, но над горами ветра дуют с силой вечного урагана. В Сидерии нет космопорта. Для его размещения не хватает ровной местности, а ветра служат угрозой для любого воздушного судна, которое попытается взлететь из города.

Тесно расположенные сооружения улья громоздятся одно поверх другого, отчего город напоминает застывший гейзер из металла. Воздух в долине черный и настолько густой, что его почти можно пить.

Дым из тысяч труб обвивает Сидерий призраками индустрии, в густом покрове мелькают языки пламени от выжигания и свет кузней.

Когда Железные Воины прибыли в систему Карчера, Хроссус сразу же распознал потенциальную ценность Сидерия в качестве крепости. Используя улей, как центральную цитадель, можно какое-то время удерживать Карчеру против превосходящих сил. Вот только к системе направляются не просто превосходящие силы. И удержание планеты - не основная задача.

«Ты преградишь ему путь, - сказал Пертурабо Хроссусу. - Ты будешь сдерживать Гиллимана и пускать ему кровь как можно дольше».

- Если Гор хочет остановить Ультрадесантников, - говорит Даруг, - для этого понадобится больше, чем мы.

- Ему нет нужды останавливать их, - отвечает Хроссус. - Он хочет Терру, и чтобы взять ее, ему нужно замедлить и нанести потери Гиллиману. Поэтому мы пустим кровь его флоту и лишим его темпа.

- Насколько долго? - спрашивает Вуртак.

- До последнего человека.

- Как нам узнать, что этого будет достаточно? - не унимается Даруг.

- Мы сделаем так, что будет достаточно.

Даруг фыркает.

- Уверен, Гор вспомнит про нас в своих красивых речах, когда станет Императором.

- Когда нас вообще благодарили? - интересуется Хроссус.

- Мне и самому интересно, - отвечает Даруг, - что мы приобрели, поменяв одного хозяина на другого.

- Смысл, - поясняет Хроссус. - Мы приобрели смысл.

Он думает о годах Великого крестового похода, об изматывающих маршах и бесконечных, изнуряющих осадах. Железные Воины не просили славы. Не надеялись на нее, и им было плевать на нее. Хроссус не доверяет легионеру, который празднует битву. Любой ликующий на войне солдат не понимает по-настоящему ее смысл. Чего Хроссус просит - это цель. Он просит, чтобы страдания его и братьев имели смысл. В служении Императору не было цели. Хроссус понял это. Великий крестовый поход был построен вокруг видимости цели, когда реальность заключалась в простом разрушении одних культур, чтобы заменить их другой. Хроссус давно бросил попытки понять, чем одна ложь лучше другой.

Железо внутри, железо снаружи. Он признает только эту истину, и она - единственная постоянная, которая никогда не покидала его. Она поддерживала его в самые тяжелые моменты кампании в скоплении Мератара.

В чем истина? В чем цель? Им лгут, что в дисциплине и полном понимании войны. Война - это боль, смерть и разрушение, ни больше, ни меньше. В конце войны нет никакой славной мечты. Войной нельзя создать утопию. Это огромная ложь, и Пертурабо освободил свой легион от нее.

Война - это не средства. Это конец. Хроссус никогда больше не даст себя обмануть иллюзией, что может быть иначе. И раз его создали для войны, то война - его очевидный конец. Этот конец сейчас

приближается к нему, и он станет причиной для сожаления, только если Хроссус позволит себе верить лжи.

Пертурабо дал ему битву, которую он не сможет пережить, но которую сможет выиграть, и за это он благодарен.

- Выходит, наши жизни ради славы Гора, - говорит Даруг.

- Нет, - отвечает Хроссус. - Мы сражаемся не за Гора. Мы сражаемся за Пертурабо. Мы сражаемся за истину, а истина - это железо. Вот чему мы научим Гиллимана.

Его офицеры кивают, с мрачной решимостью готовые преподать этот урок. Затем Вуртак смотрит за спину Хроссусу.

- Колдуны идут, - говорит он.

Хроссус оглядывается на ворота Сидерия. Пятеро Несущих Слово вышли из города и идут по разбитой дороге к Железным Воинам. Все пятеро - апостолы и носят поверх доспехов мантии, вышитые темно-красными символами своей веры.

- Я почти завидую их истине, - говорит Даруг.

- А я - нет, - отвечает Хроссус.

- Мы видели доказательства, что они могут быть правы, - замечает Вуртак.

- И? - спрашивает Хроссус. - Что с того? Если есть боги, означает ли это, что я должен поклоняться им? Я не вижу, что одно означает другое. Железо, братья. Нет выше истины, чем железо.

- Железо внутри, железо снаружи, - бормочет Даруг, и Вуртак вторит ему.

- Все остальное излишне, - говорит Хроссус и добавляет: - Для нас.

Он смотрит на приближающихся Несущих Слово.

- Но их истина дает им силу, и от нее есть польза.

Он собирается превратить систему Карчера в настоящую бойню, и Несущие Слово помогут ему в этом. Хроссус знает, что надежда - это иллюзия, и он лишит Гиллимана этой иллюзии.

- Что они делали? - спрашивает Даруг о Несущих Слово.

- Осматривали свое святилище, - отвечает Вуртак. - Глубоко в улье. Далеко от передовой.

- В конечном счете, война доберется и до них, - говорит Хроссус. - Они знают это так же, как и мы. Они знают, чем закончится это противостояние для всех нас. Они сделают свой вклад, и для этого им нужно уединение. Им нужно святилище.

Несущие Слово подходят. Их вожак верховный капеллан Кер Вантакс торжественно кивает Хроссусу. Его лоб такой низкий, что при солнечном свете его глаза блестят в тени глазниц. Гладкая кожа отмечена сложными группами рун. Скулы высокие, как у аристократа, но нос отсутствует. У него властный и одновременно нелепый вид.

- Мы провели наши приготовления, кузнец войны, - говорит он.

- Это можно сделать?

- Да. Гибельный шторм все еще силен поблизости от Карчеры, а с ним и влияние варпа на материум. Эта система подходит идеально. Мы сможем сделать то, о чем ты просишь нас.

- Хорошо. - Хроссус поворачивается к своим капитанам. - Мы готовы?

- Да, - отвечает Даруг. - По последним данным все платформы перемещены на позицию.

- «Выкованный войной» ожидает приказы, - докладывает Вуртак. Он поведет ударный крейсер против флота.

Гулкая серия взрывов доносится изнутри ущелья, а за ними долгий рокочущий грохот падающих камней. Запечатывание ущелья началось.

- Тогда пусть приходит, - говорит Хроссус.

- Какая удивительная ирония, - замечает Кер Вантакс, - что часть Четвертого легиона должна оказаться в осаде, чтобы началась более важная осада.

- Нет никакой иронии, - отвечает Хроссус. - Ты не понимаешь, что будет значить наша стратегия для Гиллимана. Здесь только с виду осада, и даже эта видимость - ловушка. Мы сражаемся не для того, чтобы удержать Карчеру. Сидерий - не цитадель. Улей - машина, и это мы возьмем в осаду Гиллимана.

- Это удивит его, - замечает Вуртак.

- Нет, - возражает Хроссус. - Мы не удивим его. Он увидит готовящуюся ловушку. Но мы нанесем такой сильный удар, что его предвидение не будет иметь значения.

Гололитическая трансляционная платформа «Ультимус Мунди» находится на возвышении в передней части мостика. Гиллиман стоит на ней, разговаривая с гололитическими призраками своих офицеров с других кораблей флота.

- У навигатора Маэсы есть новости для нас, - сообщает Гиллиман. Он дает знак, и видеозкраны передающего устройства поворачиваются в сторону Маэсы. Образы офицеров Ультрадесанта настраивают невидимые для примарха пульта управления. Теперь они видят мостик «Ультимус Мунди» перед собой. Его проекция достаточно устойчива, так что они могут сфокусироваться на нем и отфильтровать задний фон собственных мостиков.

- Рассказывайте, - обращается Гиллиман к Маэсе. - Опишите то, что находится перед нами.

- Меня беспокоят условия нашего следующего прыжка, - сообщает Маэса. Навигатор - дочь дома Пифей, одного из влиятельных домов Навис Нобилите. Ей уже не один век. Ее голову обрамляют пряди белых волос, столь тонких, что колышутся при ее малейшем движении. Навигатора поддерживает стальной каркас, но ее присутствие вызывает уважение за огромный опыт. - Свободный проход через Гибельный шторм впереди сужается, - поясняет она. - Он идет прямо через систему Карчера. Принимая во внимание длину прыжков, которые мы можем совершать для сохранения уверенности в том, что останемся на курсе, ведущем к Терре, наш следующий переход через варп выведет нас к точке Мандевилля, которая находится в этой системе, в самой узкой точке нашего маршрута.

- Значит, по вашей оценке Карчера - уязвимый участок, - делает вывод Гиллиман.

- Боюсь, что так, лорд-примарх.

- Идеальное место для засады, - заявляет Иас, магистр 22-го капитула. Благородное лицо Иаса несет шрамы этих ужасных лет войны.

- Неизбежной, - соглашается примарх.

- Думаете, отступление, которое мы видели, не достигает Карчеры? - спрашивает Вер Каспиан, магистр Первого капитула и единственный офицер, физически присутствующий с Гиллиманом. Он стоит на второй трансляционной платформе в нескольких метрах справа от примарха.

- Если Гор под давлением, - говорит Гиллиман, - тогда у него не будет выбора, кроме как воспользоваться любым шансом, который даст ему больше времени. Было бы стратегическим безумием пропустить это узкое место. Относительно небольшие силы смогут оказать большое значение.

- Миссия будет самоубийственной, - вставляет Лукреций Корвон, капитан «Блистательной новы». Неразговорчивый офицер сведущ, и Гиллиман ценит его мысли по стратегии.

- У тебя есть сомнения, что Гор не решится принести такую жертву? Особенно, если он поручит ее легиону другого примарха?

- Нет, - признает Корвон.

Гиллиман смотрит на навигационную карту, которую выводит Маэса. Приглашение к засаде слишком идеально.

- Мы смотрим не на вероятность, - говорит он. - Это несомненность. Мы перешли из теории к фактам. Наша практика должна основываться на этой реальности.

- Если они удерживают точку Мандевилля, у них есть преимущество внезапности, - отмечает Корвон. - Они знают, где мы должны выйти, и могут соответственно подготовиться.

- Значит, мы устраним это преимущество, - отвечает Гиллиман. - Мы знаем, что они будут ждать нас. На той стороне не будет внезапности. Все корабли будут в полной боевой готовности. Когда мы войдем в Карчеру, то отправимся напрямиком в битву. Мы знаем, что враг будет там. Мы знаем, что он атакует. Как и мы. Я хочу, чтобы все орудия зарядили перед нашим выходом из варпа. Весь флот откроет огонь в момент перехода. Мы устроим свою засаду. Гор не может выделить целый флот, и даже если бы мог, он не может бросить нам вызов. У нас превосходящие силы. Наша задача сделать засаду бесполезной. Если враг сосредоточится у точки Мандевилля, мы заставим его пожалеть об этом решении.

Офицеры Гиллимана подтверждают получение приказа, и примарх заканчивает трансляцию. Он подходит к ожидающей Маэсе.

- Вы хорошо поработали, - говорит Гиллиман навигатору, не отрывая глаз от карты. - Мне бы хотелось, чтобы ваши расчеты были неверны, но я благодарен, что это не так.

- Я только исполняю свой долг, лорд-примарх.

Прейтон наблюдал совещание с офицерами со стороны и теперь присоединяется к Гиллиману у гололитического дисплея. Примарх хмурится при виде тесного схождения векторов.

- Вам не нравится, куда это ведет, - замечает Прейтон.

- Мне не нравится неотвратимость. Мне не нравится, когда меня принуждают к действию.

- Враг тоже в такой ситуации.

- Именно. Здесь все неотвратимо. Эта война хочет уничтожить нашу веру в свободную волю, Тит. Она хочет заставить нас поверить в то, что мы должны отдаться на милость судьбе. - Гиллиман качает головой. - Я не сдамся. Мы прорвемся, Тит. Мы прорвемся и украдем время, которое Гор надеется получить. Мы должны. Терра ждет нас.

На борту ударного крейсера «Каваскор» из центра гололитических коммуникаций, расположенного сразу за мостиком, появляется Иас. Закрытое помещение лучше использует энергию корабля. Несмотря на свои размеры «Каваскору» не хватает мощностей линкора «Ультимус Мунди». Капитан Второй роты разрушителей Иеракс ждет своего магистра капитула снаружи. Взгляд на суровое лицо Иаса подтверждает многое из того, что он уже подозревает.

- Значит, примарх подозревает засаду, - говорит Иеракс.

Иас кивает.

- Он уверен в этом.

Двое Ультрадесантников идут в ногу.

- Каким он выглядел?

- Сосредоточенным.

- Как всегда.

- За этой сосредоточенностью скрывается ярость, которую он несет Карчере.

- Выходит, он зол, - делает вывод Иеракс.

- Кто его может винить?

Капитан и магистр капитула полностью доверяют друг другу. Так было не всегда. До войны, до предательства Гора, Гиллиман назначил чужака Иаса магистром 22-го капитула, минуя Иеракса, который был старшим капитаном. Иас не был терранцем. Более того, он не разделял общие принципы разрушителей. Время и сражения доказали правоту примарха в его выборе. Двое офицеров ценят навыки друг друга и в особенности признают важность своих разных темпераментов. Иас сдерживает более разрушительные импульсы 22-го капитула. Он более чем гарант дисциплины, так как дисциплина не есть то, чего не хватает любой роте или капитулу Ультрадесанта. Но под его командованием разрушители представляют собой кумулятивный заряд, которым и должны быть. И в случае необходимости Иас знает, когда их сдерживать.

В вопросах стратегии Иас будет консультировать Иеракса и прислушиваться к его советам. И как только он принимал решение, Иеракс был абсолютно уверен, что оно правильное. Своим отношением друг к другу двое воинов наточили клинок, которым являются разрушители. Они по-прежнему оружие, к которому остальной легион относится с определенной осторожностью, и Гиллиман никогда не использует их без тщательного обдумывания последствий. Тем не менее, после Калта он отправляет их в битву гораздо чаще. Они - воплощение гнева примарха, так как он - *Мстящий* Сын. Хотя Гиллиман

прежде всего превосходный стратег, и хотя он великий рационалист в Галактике, скатившейся в безумие богов и демонов, в нем также есть гнев, и он знает, как использовать его.

- Значит, он захочет бросить нас в битву, - говорит Иеракс. Он проводит рукой по лбу и черепу, толстым слоям рубцовой ткани, твердой, как гравий. Раны и ожоги многих лет сражений обезобразили капитана.

- Думаю, да, - говорит Иас. - Прикажи своей роте быть наготове.

Иеракс не знает, к каким действиям готовиться. Нет возможности узнать, будут ли разрушители брать на бордаж вражеские корабли или проведут десантирование на планету. Но их силой жестокого и ужасного уничтожения воспользуются.

Иеракс рад этому. Иас направит жестокость, а Иеракс доставит ее врагу.

У Хроссуса нет кораблей и у него нет людей, чтобы сразиться с флотом Ультрадесанта лицом к лицу. Чтобы навредить Гиллиману и сделать то, что он должен, кузнец войны должен превратить всю систему в оружие.

Он говорит с Даругом и Вуртаком по воксу, когда они покидают Карчеру, чтобы занять свои позиции поблизости от точки Мандевилля.

- Это не они берут нас в осаду, - говорит он. - А мы их.

- И ты думаешь, Ультрадесантники поймут разницу? - спрашивает Даруг.

- А это имеет значение, если даже и так? - вставляет Вуртак.

- Тебе легко говорить.

В самом деле. Из трех зубьев стратегии Хроссуса Вуртак - самый агрессивный. Он не тот, кто сможет окружить флот.

- Это не имеет значения, - подчеркивает Хроссус, - но они решат, что это они осаждающие. Воспользуйтесь этой ошибкой.

- Я так и сделаю, - заверяет Даруг. - Будь уверен, кузнец войны.

- Железо снаружи, - поясняет Хроссус, - и затем железо внутри. Это форма нашей атаки. И мы выпотрошим Ультрадесантников.

Хроссус приказал, чтобы все сигналы из коммуникационной башни Сидерия передавались в его командный центр возле основания улья. Башня находится слишком далеко от места, куда придет битва. Хроссусу надо быть на передовой. Выбранное им помещение - всего лишь камера, в котором место только для вокс-оборудования и стола с картой системы Карчера. Больше ему не нужно. Сложности планирования кампании в прошлом. Даруг и Вуртак получили свои приказы. Кузнец войны доверяет их суждению и способности адаптироваться к меняющимся условиям сражения. Он сделает то же самое в Сидерие.

Хроссус выходит из камеры и спускается на гравифите в подулье. Он идет через бесконечный грохот промышленных предприятий города. Хотя Железные Воины завоевали Карчеру, гигантская производственная машина Сидерия продолжает работать, только теперь полностью на нужды IV

легиона. Выкапываются огромные новые траншеи, шахтные стволы превращаются в зияющие пропасти, а гигантские резервуары наполняются расплавленной рудой. Миллионы жителей Сидерия подчинены одной единственной цели. Они хотят жить, и поэтому тяжело трудятся, чтобы исполнить волю кузнеца войны.

Гравилифт оставляет Хроссуса возле пещеры, где экскаваторы размером с жилые блоки погружают свои огромные ковши в землю, разрушая туннели вниз и выкапывая ров глубиной в сотни метров.

Пройдя участок земляных работ, Хроссус входит в туннель. Он прорублен в скале, его стены облицованы металлическими листами. Туннель уходит круто вниз и приводит кузнеца войны в часовню Несущих Слово.

Все признаки первоначального предназначения помещения исчезли. Несущие Слово очистили его. Углы между стенами углубили, а сами стены обработали, пока они не стали совершенно ровными. В пещере теперь было восемь одинаковых сторон. На полу вырезали звезду Хаоса. Между каждым ее лучом кровью нарисовали руны. Очертания символов извиваются на периферии зрения, а когда Хроссус смотрит на них, то вызывают боль в глазах. Кер Вантакс стоит в центре звезды, окруженный своими аколитами.

- Это подходящее место, - говорит верховный капеллан Хроссусу. - В камне много крови. Многие умерли в этом месте, когда шахты только выкопали. Здесь проходят линии энергии. Линии Хаоса.

Он удовлетворенно кивает.

- Карчера будет сражаться за нас. Ты изучил архивы планеты?

- У меня были другие дела.

- Конечно, конечно. Думаю, они были бы поучительными. Я чувствую кровь, которую пролили здесь. Хотя жители могут и не знать этого, но мир присягнул на верность богам. Это не совпадение, что варп силен в этой системе. Верность Карчеры - вот причина, по которой мы сможем сделать то, что должны. Это место отмечено рукой судьбы.

- Я работал здесь усерднее судьбы, - говорит Хроссус.

Кер Вантакс улыбается.

- Ты - инструмент. Через тебя вершится воля Хаоса.

Хроссус неопределенно фыркает.

- Ты пришел сказать нам, что пришло время? - спрашивает Кер Вантакс.

- Мы не знаем точно, когда придут Ультрадесантники...

- ...но они приближаются, - перебивает верховный капеллан. - Да, мы чувствуем это. Как они следуют через имматериум.

- Мы должны начать, - говорит Хроссус. - Должны подготовить наше приветствие.

- Так мы и поступим.

Кер Вантакс кивает своим братьям, и они занимают позиции вокруг него, стоя в точках звезды, которые

обозначают главные направления. Один из Несущих Слово на минуту выходит из помещения и возвращается с амфорой. Она наполнена густой кровью. Несущий Слово выливает ее на пол, соединяя все лучи звезды и обмазывая доспехи других апостолов. Затем он возвращается на свое место в кругу, и верховный капеллан начинает песнопение.

Хроссус отступает. Воздух становится холодным, и изо рта Железного Воина идет пар сразу же, как начинается пение. Кажется, восьмиконечная звезда извивается. До слуха Хроссуса доносятся голоса, их произносят рты, приспособленные вмещать больше одного языка, а языки приспособлены произносить невозможные слова.

Хроссус отворачивается и возвращается к началу туннеля. Он сказал своим капитанам правду. Ему не нужно разделять истину Несущих Слово, чтобы увидеть и поверить в ее полную силу. Он уже чувствует, как в зале собирается древняя мощь и поднимается с Карчеры в пустоту, расширяясь, чтобы схватить врагов из Ультрамара.

Перед тем, как отправится на мостик, Гиллиман снова переворачивает песочные часы. Он несколько мгновений смотрит, как падают крупы. Он не станет лгать себе и притворяться, что падающие песчинки отмечают время до прибытия Ультрадесантников в систему Карчера. Они отмечают время, которое у него есть, чтобы добраться до Терры. Их слишком мало, и они заканчиваются.

Он должен пройти через эту систему быстро.

На мостике, когда приближается момент выхода из эмпиреев, Гиллиман занимает пульт управления. Ставни закрывают иллюминаторы «Ультимус Мунди», предохраняя от безумия варпа. Из своей навигационной кельи, где Маэса лежит в ложе, плавающем в бассейне из питательных жидкостей, она сообщает о приближении решающего момента. На мостике большую часть внимания Гиллимана привлекают офицеры оружейных систем.

- Орудие «Нова» готово к стрельбе, - докладывает один из них.

- Бортовые батареи наготове, - сообщает другой.

Поступают доклады с остального флота. Каждый корабль готов стрелять по целям, которые они не увидят, пока орудия не откроют огонь.

- Стрельба по площадям, без точных целеуказаний, - замечает Город. Он вместе с Прейтоном стоит рядом с Гиллиманом возле возвышенного пульта управления.

- Целеуказания не нужны, - поясняет Гиллиман. - Мы получим роскошь точности, как только атакуем врага. Считаю, что это наша упреждающая контратака. Мы знаем, где и когда нас атакуют, поэтому я ударю первым.

Сервитор начинает обратный отсчет до перехода. Гиллиман молча ждет, когда его флот выйдет из варпа. Он уже отдал приказы. Все капитаны знают свои обязанности, и каждый корабль готов к бою. Примарху нет необходимости давать новый приказ на открытие огня. Он выразил свою волю, и легион готов исполнить ее.

- Переход, - сообщает сервитор монотонным голосом. Объявление слишком бесстрастно для бойни, которую оно возвещает.

«Ультимус Мунди» содрогается три раза. Первый удар от возвращения в материум. Второй – низкий гул от выстрела орудия «Нова» и залпа всех остальных орудий массовым хором разрушения.

Линкор содрогается в третий раз сразу после того, как ставни отходят, демонстрируя систему Карчера, и на флот устремляется катаклизм.

2

В огне

Ближний космос точки Мандевилля наполнился обломками. Залпы прибывших Ультрадесантников разорвали более дюжины кораблей. Пустота пульсирует огнем рассеивающихся газов. Обломки нападавших безвредно отскакивают от пустотных щитов. Тринадцатый легион устроил кладбище вокруг своих кораблей.

Обстрел едва проредил огромное число нападавших.

- Данные для ведения огня, – приказывает Гиллиман. – Приоритет – ближние цели. Двигатели, полный вперед. Прорываемся.

Флот сближается с Ультрадесантниками, и он не предназначен для сражения, только для уничтожения. Это рой грузовых кораблей самых разных размеров. Среди них есть корабли Флота, поврежденные фрегаты и эскортники, и единственный крейсер. Его надстройка разбита, а корпус весь в пробоинах. Этот корабль был уничтожен, затем воскрешен для последнего акта уничтожения.

- Брандеры, – рычит Город. – Трусливая атака.

- Блестящая атака, – поправляет Гиллиман.

Вместе с кораблями полно небольших объектов. Точка Мандевилля заминирована. Внутри кольца брандеров тысячи зарядов. Резкий наплыв физической массы привлекает их. Они приближаются подобно мухам, чтобы испить кровь флота. За ними следуют корабли-самоубийцы.

Внимание Гиллимана сосредоточено на минах и брандерах, на уроне, нанесенном огнем его флота, и на траекториях, которые должны выбрать Ультрадесантники. На периферии его концентрации едва есть место для лишней мысли, которую он изолировал, чтобы не мешать сиюминутным тактическим запросам и процессу руководства боевыми действиями. Эта мысль касается природы брандеров и того факта, что их экипажи должны состоять из рабов. Эта отсеченная мысль становится озвучиванием сожаления, выражением скорби и стимулом для большего гнева в адрес врагов.

Гиллиман понимает, что для этих экипажей ничего нельзя сделать. Их судьбы были предрежены в тот момент, когда их отправили на эти корабли. Гиллиман не может спасти их. Он не может принимать во внимание пылающий ужас их смертей. Его долг – находиться на Терре, а песчинки продолжают падать. Он должен прорваться со своим легионом. Должен разбить преграду перед собой.

Но сначала флот должен выжить.

Второй выстрел из орудия «Нова» прорезает путь через минное поле перед носом «Ультимус Мунди». Чудовищная кинетическая энергия снаряда слишком велика, чтобы мины могли взорвать его. Он летит

слишком быстро для перехвата, но его пролет вызывает детонацию мин. Космос перед линкором вспыхивает ураганом небольших взрывов. За ними находится грузовое судно. Оно идет в лоб на «Ультимус Мунди». Судно едва начинает двигаться, когда снаряд проходит сквозь него. Транспортник начинен взрывчаткой, его варп-двигатель разрушен. Единственная цель для его измененной формы – это умереть. И корабль умирает, плазменный взрыв разрывает пустоту с воплем солнца. Он крохотный в сравнении с флагманом Гиллимана, но его смерть колоссальна. И если бы грузовое судно врезалось в линкор до взрыва, повреждения были бы катастрофическими.

Объединенный взрыв транспортника и снаряда «Нова» уничтожает другое судно, раскалывая его как яичную скорлупу и запуская свирепый предсмертный вопль. На глазах Гиллимана цепная реакция взрывов превращает пустоту в огненный котел. «Ультимус Мунди» как будто ныряет в сердце звезды.

Естественным инстинктом было бы уклониться от огня, поднять нос корабля и попытаться пройти над колоссальным огненным шаром. Но Гиллиман знает, что инстинкт ошибочен.

- Полный вперед, - приказывает он. - Прямо через центр пламени.

То, что уничтожило бы «Ультимус Мунди» на этом направлении, само было уничтожено. В данный момент безопасный проход вел через взрывы.

- Огонь, - приказывает Гиллиман. - Сконцентрировать по носу.

«Ультимус Мунди» устремляется в бойню. Вспыхнувшая плазма яростными объятьями окутывает линкор. Он стонет, пустотные щиты на пределе, а затем флагман примарха проходит в черноту пустоты, продолжая вести огонь, но теперь его авгуры, сервиторы и оружейные офицеры высматривают конкретные цели.

Другие корабли не настолько удачливы.

Фрегат «Золотой триумф» уничтожает мины поблизости от корпуса, но разбитый врагом крейсер «Великолепный» сближается с ним вертикально к плоскости эклиптики. Нескольких выстрелов, поразивших «Великолепный», недостаточно, чтобы изменить его курс или привести к уничтожению. Нос крейсера врезается в мидель «Золотого триумфа». Пустотные щиты вспыхивают и отключаются от удара настолько большой массы. «Великолепный» бьет, словно огненное копьё. Он взрывается от столкновения, и верхняя часть корпуса «Триумфа» раскалывается с силой вулкана. Плазма воспламеняет плазму, и корабли исчезают в жутком взрыве их двигателей.

Группа мин проносится мимо бортовых залпов эскортника «Гордость Таласы» и цепляется к его корпусу, после чего следует цепь оставляющих пробоины взрывов. «Таласа» кренится на нос, продолжая стрелять. Ее орудия все еще в деле, но из разорванного правого борта вытекает атмосфера с матросами и легионерами.

Крейсер «Часовой Парменион» оказался между двумя брандерами. Двойной взрыв уничтожает носовую треть корабля. Двигатели работают, орудия беспорядочно стреляют, «Часовой» движется, его палубы обнажены, новый нос представляет расплавленные руины. Его отрывистые и отчаянные вокс-вызовы стихают в темноте.

Дисциплина флота сохраняется. Каждый корабль следует приказам Гиллимана, и флот окутывается огненным ореолом, очищенным от мин. Если бы флот вышел, не ведя массированный огонь во все стороны, атака брандеров вырвала бы ему сердце. Хотя волна брандеров накрывает корабли Ультрадесанта, их строй сохраняет сплоченность. Легион оттесняет брандеры, уничтожив большинство,

прежде чем те атаковали свои цели, и взорвав тысячи мин до контакта. И флот движется вперед.

Так проходят первые минуты битвы. Но только первые.

До того как «Ультимус Мунди» проходит мимо погибшего «Золотого триумфа», на мостике раздаются новые сигналы тревоги.

- Сильный вражеский огонь с левого борта и носа, - докладывает ауспик-офицер. - Орудия и торпеды.

Мгновение спустя добавляет: - Впереди собирается варп-шторм.

Гиллиман чувствует, как сыпятся песчинки в часах. Он чувствует падение каждой из них, и за то время, пока одно зернышко перемещается из одной емкости в другую, можно подумать, проанализировать и решить. Гиллиман принимает во внимание предупреждение, он слышит ревуны и видит пикт-экраны, загоревшиеся траекториями ракет и снарядов. Он видит через огромный иллюминатор «Ультимус Мунди» с правой стороны носа, как пустота начинает бурлить. Формируются воронки, сминая черноту, скручивая ее, окрашивая в темно-лиловый оттенок синяка и гнили. Затем в материум просачиваются другие цвета, у которых нет названий, кроме тех, что означают *безумие, убийство и порчу*.

Все это происходит за время падения одной песчинки.

Действие, предпринятое до того, как упадет следующая, будет импульсивным, не разумным, и Гиллиман отказывается вступать в западню, устроенную для него и его легиона.

- Носовые щиты на полную мощность, - приказывает он. «Ультимус Мунди» на концевнике копия флота, и он примет основной удар приближающихся торпед. - Держать курс. Ауспик, провести дальнейшее сканирование системы. Дайте мне расположение врага.

Орудие «Нова» стреляет в третий раз, прорезая путь через новые минные поля, уничтожая часть торпед, а затем снаряд исчезает в пустоте. Теперь перед «Мунди» больше нет брандеров, но где-то там истинный враг. Противник, который заявил о себе этим залпом.

- Вражеские корабли по левому борту, - докладывает ауспик-офицер. - За брандерами.

- Сколько? - спрашивает примарх.

Очередное медленное падение песчинки, пока рассчитываются данные. Затем офицер сообщает: - Один ударный крейсер, бортом к нам.

«Слабые силы», - думает Гиллиман. Такие не смогут атаковать его флот в лоб, но с помощью брандеров многое можно сделать.

- Группа контактов прямо по носу, - продолжает офицер. - Дальше.

Бетра Каллан запинается.

- Они не двигаются.

- Вражеская эскадра?

- Не думаю, лорд-примарх. Контакты находятся слишком близко друг к другу, чтобы быть кораблями. - Экран над ее постом загорается и издает сигнал, когда к Ультрадесантникам устремляется следующая волна торпед и снарядов. - Слишком много огневой мощи на слишком маленьком пространстве, -

сообщает Каллан.

- Орбитальные оборонительные платформы? - предполагает Город.

- Вокруг чего? - спрашивает Прейтон. - В том направлении нет планет.

- А они и не нужны, - догадывается Гиллиман. - Наш враг не обороняется. Он атакует. Если ему не нужны платформы для защиты планеты, он может приспособить их в новые средства нападения.

- Поступают новые данные сканирования, - говорит Каллан. - Обнаружена очень крупная центральная масса, соответствующая космической станции.

Гиллиман кивает и начинает видеть наброски необходимых действий для нейтрализации этой угрозы.

За иллюминатором варп-шторм растекается по пустоте, словно масло, он бурлит и рвет реальность на куски. И стремительно растет в размерах и силе. Он нацелен на флот и кроме того тянется дальше, охватывая легион с правого борта.

- Варп-шторм приближается к точке Мандевилля, - докладывает Каллан.

Падают очередная крупинка песка, и Гиллиман получает то, что ему нужно. Картина не полная, но у него есть достаточно данных для формулировки теории, которая объяснит то, что он видит, охарактеризует средства, с помощью которых такие незначительные силы могут быть исключительно эффективны против гораздо более сильного противника, и даст ему основу для контратаки.

Зерна песка убегают независимо от того, насколько быстро он думает. Враг не хочет сталкиваться со всей мощью Гиллимана, поэтому он принудит его. Примарх сокрушит флот врага и нейтрализует тактику, которая усиливает мощь противника.

Есть еще одно, что ему необходимо знать.

- Вокс, - приказывает он, - с Карчеры есть какой-нибудь трафик?

Система небольшая. В ней только две планеты. Внешняя - Химера - безжизненная скала. Заселена только Карчера. Огромное количество брандеров уже явно указывают на один вывод о положении планеты, но Гиллиману нужно подтверждение, прежде чем он задействует специфическую стратегию.

Подходит первая волна торпед и снарядов. Меры противодействия «Ультимус Мунди» уничтожают многие из торпед до их попадания. Снарядов слишком много, и они слишком малы для устранения. Они сильно нагружают щиты, и несколько торпед пробивают их. Линкор содрогается от удара. Боль пустотных щитов сжигает черноту за иллюминатором. Но корабль крепок. Он выдерживает бурю и движется вперед.

- С Карчеры нет вообще никакого трафика, - докладывает офицер. - Хотя мы улавливаем определенные помехи.

- Какого рода?

- Данные бессмысленны.

- Варп-энергия, - поясняет Прейтон.

- Можешь установить источник? - спрашивает Гиллиман библиотекаря.

- Да, - подтверждает Прейтон. Он не медлит, хотя примарх понимает, насколько глубоко придется Прейтону раскрыть себя варпу, чтобы засечь местонахождение.

- Хорошо, - говорит Гиллиман. - Найди источник, а мы уничтожим его.

Помимо принятого решения Гиллиман получает подтверждение о том, что происходит в этой системе. Детали складываются в общую картину. Карчера в руках врага, а варп-шторм направляется человеческой волей. Он несравним с масштабом Гибельного шторма, но принцип тот же самый, и разум, контролирующий шторм, находится на планете.

У врага три точки атаки, и все они усиливают друг друга. Поэтому Гиллиман ударит одновременно по всем трем. Может быть, все пройдет достаточно быстро. Возможно, Ультрадесантники покинут систему до того, как все песчинки закончатся. Потребность ясна, диспозиции - понятны, и теперь дело в стратегии, которой он воспользуется.

Прошли считанные минуты с момента перехода флота в материум.

- Общефлотская вокс-передача, - приказывает Гиллиман. - Всем кораблям, за исключением двух дивизионов, следовать за капитаном Корвоном и «Блистательной новой». Капитан, отправляйтесь с флотом за вражеским кораблем. Сожгите его.

Это сокрушающий удар. Враг вынуждает Гиллимана разделить свои силы, но примарх сам решает, как это сделать. Враг наносит мощный удар и усиливает свою мощь, но не может скрыть свою слабость. Этот ударный крейсер - все, что у него есть. Гор не может себе позволить оставить за спиной больше сил, если хочет взять Терру и сделать это быстро. Песок убегает и для Предателя тоже.

- Капитан Тулиан Аквила направится к космической станции с ударным крейсером «Алалия» и эскортом, - продолжает Гиллиман. Аквила только недавно был повышен до капитана 77-й роты, но его героизм на Калте более чем оправдывает веру примарха в него. - Он возьмет ее на abordаж и выведет из строя любыми необходимыми средствами. Третий дивизион остается со мной. «Каваскор» и «Долг чести» присоединятся к «Ультимус Мунди». Мы направляемся к Карчере.

- Одной роте взять космическую станцию? - спрашивает Город.

- Тяжелый бой с кораблями выйдет слишком дорогостоящим. Именно этого хочет враг. - Бросить корабли на космическую станцию - значит вести битву на ее условиях, а такую ошибку Гиллиман не совершит. - Бой будет внутри форта, на его палубах, а не против щитов и орудий.

Приказы отданы. Флот подчиняется. Брандеры продолжают атаковать, как и мины, а залпы с вражеских кораблей и прочих, более далеких целей - накрывать корабли XIII легиона. Но флот отвечает на веление своего примарха. Корабли поддерживают постоянный перекрестный огонь, расширяющееся кольцо огня пожирает брандеры и мины. Флот движется сквозь волны разрушения, преодолевая ярость, получая новые раны. Гибнут новые корабли, но всего несколько. Еще больше получают повреждения, но продолжают сражаться, и, не смотря на пылающие коридоры, разбитые палубы и пробоины в корпусах, их экипажи не останавливаются, отвечая на призыв Мстящего Сына, невзирая на то, насколько большим станет список потерь. Гиллиман знает свой долг, как и его сыновья, а также каждый офицер, матрос и серв на флоте. Они отдадут свои жизни на службе и сделают это охотно, из верности к примарху и всему, что он воплощает. Они понимают, что стоит на кону. Хотя они не чувствуют время, разбитое на отдельные гранулы песка, но осознают безотлагательность сражения. Они знают, что флот должен достичь Терры, и каждый приказ от Гиллимана, если они исполняют его, приближает флот к

укреплениям Императора. Поэтому они исполняют свой долг. И флот отвечает.

Находясь под сильной атакой, сражаясь, чтобы прорваться из тесного района пустоты, флот наступает, как и приказал Гиллиман. Строй начинает разделяться на три группы. Тринадцатый легион переходит в наступление.

Битва длится менее часа.

Космическая станция «Барбикан» представляет собой пирамидальное сооружение поверх колоссальной платформы. Секторы обстрела ее орудий охватывают все квадранты пустоты. Мостик располагается на вершине пирамиды. Иллюминаторы на всех сторонах дают Даругу полный панорамный обзор всего, что находится над плоскостью платформы. Видеоэкраны во внутреннем кольце показывают подступы к подбрюшью станции. Мертвых зон нет.

Даруг восседает на троне, расположенном на высокой колонне в центре круглого зала мостика. Ниже на своих постах офицеры, техники и сервиторы, готовые исполнить его волю. По его команде выпущена мощь, способная уничтожать флоты. Такой же грозный, как сама станция, капитан под командованием Хроссуса многократно усилил ее мощь. «Барбикан» окружен четырьмя орбитальными оружейными платформами. Ранее они располагались над Карчерой, но Хроссус заявил, что наземных сил обороны планеты будет достаточно. «Мы не защищаем систему, – напомнил он Даругу. – Мы превращаем ее в оружие». Теперь платформы в подчинении «Барбикана», увеличивая его разрушительный радиус действия. Каждый корабль, вошедший в зону поражения, будет разорван на куски убийственной паутиной огня, созданной лазерными батареями орбитальных платформ и орудиями станции.

«Придите и возьмите нас, – думает Даруг. – Сделайте именно то, от чего, не сомневаюсь, вы уклонитесь». Он слишком верит в тактическое мастерство Ультрадесантников, чтобы подумать, будто они совершат такую ошибку. Но именно этого он хочет. Он бы с радостью причинил им немного той боли, которая так долго была долей Железных Воинов. Он уже ранил их, но не достаточно. Рунический пикт-экран рядом с тронном суммирует эффект его первых залпов по флоту XIII легиона. Он не доволен. Было бы просто возложить вину на действия карчеранцев, которые управляют фортом и его оружейными системами. Они – рабы, выбранные за свои навыки и знания, но все же рабы. Они покоренные. Поэтому было бы проще обвинить их, заявить, что они недостаточно старались. Но Даруг сыт по горло иллюзиями и ложью. Если в этой схватке в системе Карчера он за что-то и благодарен, так это за то, что она означает конец лжи. Он большего и не ждет. Кузнец войны все еще верит в смысл того, что произойдет сегодня. Даруг просто хочет, чтобы ложь прекратилась.

У каждого раба на «Барбикане» осталась в заложниках семья на Сидерие. Смертные знают цену предательства. Они знают, что произойдет, если продемонстрируют малейшее колебание при исполнении одной из его команд. У Даруга есть весь персонал, необходимый для атаки Ультрадесантников. И когда они атакуют его, а он знает, что так и будет, выяснится, что его сил недостаточно.

- Флот горит и истекает кровью, брат, – говорит Вуртак. С его более близкой к битве позиции сканирование дает ему более детализированную картину происходящего.

- Рад слышать это, – отвечает Даруг. – Мы остановили Ультрадесантников?

- Нет. – Либо Вуртак не слышит сарказм Даруга, либо решает не обращать на него внимания. – Но начало хорошее.

- Лучше, чем конец.

- Мне нравится думать, что конец будет немного отличаться от твоих представлений.

- Ты имеешь в виду, отличаться от того, что я знаю, - говорит Даруг. - У нас одна рота против легиона. Исход не вызывает сомнений.

- Увидим, - говорит Вуртак. - Обстоятельства и раньше были против нас.

«Не в таком масштабе», - думает Даруг, но Вуртак прекрасно знает об этом. Он просто иначе смотрит в будущее. Правда в том, что Даруг не чувствует печали в том, что приближается. У него нет сожаления в свой последний день. Его горечь не из-за грядущей смерти. Во всяком случае, он подозревает, что именно Вуртак больше возмущен в отношении шансов, несмотря на свою неукротимость.

- Флот разделяется, - сообщает Вуртак, и несколько мгновений спустя Даруг видит, как на экранах «Барбикана» появляется та же информация.

- Ты привлек их внимание, - говорит Даруг. Большая часть кораблей меняет курс. Они отправляются в погоню за кораблем Железных Воинов.

- Как и прогнозировал кузнец войны. И я вижу, что ты тоже не останешься в одиночестве.

Три корабля отделяются от основных сил и направляются к космической станции.

- Устроим им адскую осаду, брат, - желает Вуртак. - Увидимся, когда наша война закончится.

- Прощай, брат.

Только так и возражает Даруг другому капитану. Он знает, что Вуртак зол, хотя в этот момент он направляет свой гнев на Гора в железную решимость. Он верит в план Хроссуса. Как и Даруг. Просто последний считает, что успех кампании будет оценен чем-то иным, нежели выживанием.

- Всем орудиям, непрерывный огонь по приближающимся кораблям, - приказывает Даруг. Он нанесет такой урон Ультрадесантникам с дистанции, какой сможет. Хотя они не станут приближаться, пока разделены. Их нападение примет другую форму.

Легионер Саварран останавливается возле колонны трона. Его правую руку заменяет грубая бионика, кулак постоянно разжимается и сжимается, словно голодная пасть.

- Только три корабля, - докладывает он. - Они ведь не считают, что возьмут нас этим?

- Нет, не считают. - Даруг обдумывает, как бы он захватил «Барбикан». Вопреки широкой стратегии Хроссуса, Даруг близок к тому, чтобы оказаться в обороне, и он негодует. - Они собираются взять нас на бордаж.

- Пусть попробуют.

- Наоборот. У меня нет намерения дать им попробовать. - Только он знает, что его намерения не изменят фактов войны. Он будет сражаться, чтобы остановить Ультрадесантников, но если бы он осаждал станцию, то прорвался бы через любую оборону. Так и они поступят.

Даруг не пораженец. Он - реалист. Он тщательно обдумывает приближающуюся битву и ее вероятные исходы. В конечном счете, у него одно важнейшее задание. Он должен убить как можно больше

Ультрадесантников.

Он видит, что нужно делать. Не имеет значения, что неизбежность играет на стороне Ультрадесантников. Он сведет на нет это преимущество. Он и его легионеры пустят кровь врагу, и когда сыны Гиллимана, наконец, поверят, что выиграли, Даруг выставит счет. Он позволяет себе мрачную ухмылку. Возможно, Вуртак не так уж и ошибается, веря в победу. Даруг предвкушает, как обратит триумф врага в прах.

Он начинает приготовления.

Вуртаку не нравится бегство. Бежать, значит идти против всех его инстинктов. На войне он верит только в одно – бесконечное наступление. Плюнуть в лицо всему, что враг может бросить против него, и шагать вперед, всегда вперед, пока не раздавит врага сапогами – вот его кредо. Даже тактическое отступление более чем постыдно.

На командном троне ударного крейсера «Выкованный войной» Вуртак чувствует, как приказ, который он должен отдать, застревает в горле. Ультрадесантники идут за ним и его кораблем. Копье флота XIII легиона устремляется сквозь брандеры и минные поля. Железные Воины воспользовались всеми гражданскими и военными кораблями, оставшимися в системе Карчера, превратив их в бомбы. Судов были сотни. Одного взгляда на их первоначальную позицию, на эту сферу смерти, созданную вокруг точки Мандевилля, было достаточно, чтобы поверить в невозможность прорыва через нее.

Но кузнец войны был прав. Ультрадесантники ожидали ловушку и нанесли по ней встречный удар, как только вошли в материум. Если бы Вуртак мог выбирать, то направил бы свой корабль на XIII легион. Ударом глади в сердце многочисленной мощи врага. Но план кузнеца войны Хроссуса был хорош, и Вуртак не нарушит его, действуя вопреки приказам.

У приказа горький привкус, но Вуртак медлит только секунду и отдает его.

- Только оборонительный огонь, – командует он. – Направляемся на полной скорости к Химере.

Рядом с командным тронном к неудовольствию Вуртака подает голос сержант Навгар.

- Мы хотим дать им основание подумать, что бежим, поджав хвост? Потому что для меня это выглядит именно так.

Его поврежденная гортань придает голосу звук когтей, царапающих стекло.

- Не важно, что они думают, – резко отвечает Вуртак. – Важно, чтобы они последовали за нами. А они так и сделают.

- Это не наш метод войны.

- Значит, мы сделаем его своим, – говорит Вуртак. Он повторяет слова Хроссуса. Поняв это мгновением спустя, Вуртак чувствует определенное удовлетворение. Это понимание не примиряет его с природой сражения, но дает ему надежду на то, чем оно может стать.

- Это то, что думает о нас магистр войны? – спрашивает Навгар.

- Что если и так? Это ничто в сравнении с тем, что думаю о нем я.

Сержант присоединяется к Вуртаку во взрыве злого смеха.

Хроссус сделал определенно ясной судьбу, которая ждет гранд-роту. Из системы Карчера возврата не будет. Пертурабо поручил эту миссию 134-й, но Вуртак не винит примарха за принесение их в жертву. Так же ему не хочется быть принесенным в жертву. Кровавые, неблагодарные победы, граничащие с пирровыми, всегда были уделом Железных Воинов. Это все, что знал Вуртак на службе Императору. Он едва ли удивился, обнаружив, что ничего не изменилось под командованием Гора. Гранд-рота погибнет, сражаясь во славу Гора, или это подсказывали полученные приказы. Но Пертурабо выбрал 134-ю по причине, и Хроссус вместе с капитанами мало верил в обещания Гора. Сражаться за Гора означает разрушить большую ложь Императора, и в этот день кузнец войны разработал план, который унижит гордых сынов Императора. То, что Вуртак уже увидел, радует его, и мысль о том, что грядет, успокаивает гнев, который приходит даже от видимости отступления.

Вуртак верит в большее.

- Мы покажем Гору, что он заблуждается точно так же, как и Ложный Император, - говорит он. - Мы всегда делали невозможное. И сделаем это снова. Гор считает, что выжить нам в этот день невозможно. Ну что ж. Сразимся сегодня и сразимся снова завтра. Железо внутри!

- Железо снаружи! - выкрикивает Навгар.

«Внутри и снаружи, мы несокрушимы, - думает Вуртак. - А тебя мы сокрушим, Гиллиман».

3

Последний метод

- У нас есть приблизительный район варп-помех, - сообщает Прейтон. Библиарий работает в тесном контакте с ауспик-офицерами и техниками в расположенном над мостиком стратегиуме. Прейтон касается систем управления пикт-экраном рядом с командным пультом. На планетарной карте Карчеры над ульем Сидерием появляется прицельная руна.

- Геологическая крепость, - отмечает Гиллиман, рассматривая местность. Затем приказывает кораблям двигаться к точке стоянки на высоком якоре над Сидерием.

При приближении «Ультимус Мунди», «Каваскора» и «Долга чести» к своей цели их атакует планета. Серо-бурая турбулентная атмосфера вспыхивает, пульсируя четырьмя жгучими красными лучами. Облака отражают дульные вспышки чудовищных орбитальных орудий, и лазеры устремляются к флотилии.

Лучи, питаемые плазменными емкостями, достаточными для освещения целого города, разрывают облачный покров. Концентрированный залп указывает на то, что орудия расположены близко друг к другу, и выстрелы следуют с короткими интервалами. Один луч полностью промахивается по своей цели, его слепящий свет уходит в ночь пустоты. Другой поражает «Ультимус Мунди» прямо под носом. Пустотные щиты спасают корабль, но попадание перегружает их в этом секторе, и они ненадолго отключаются. Следующий луч наносит скользящий удар по левому борту «Каваскора», энергия лазера поглощается защитой. Корабль раскачивается от ударной волны, но сохраняет курс, и маневр уклонения

начинает набирать скорость.

Четвертый лазерный луч попадает в нижнюю часть «Долга чести», недалеко от носовых двигателей. Гиллиман видит вспышку в иллюминаторе «Ультимус Мунди». Примарх видит, как корабль внезапно подбрасывает, словно на волне, и понимает, что удар пришелся в цель.

- «Долг чести», докладывайте, - приказывает он.

- Пробоина в нижнем корпусе, лорд-примарх, - сообщает через несколько секунд капитан корабля Гестайан. - У нас пожары на трех палубах. Но энергия и управление сохранены.

Все три корабля начинают маневры уклонения, но изменения в их траекториях в эти критические мгновения поначалу незаметны для глаза смертного. Корабли - чудовища войны. Их повороты грациозны и величественны, но им не хватает проворства. «Ультимус Мунди» и «Каваскор» могут выдержать второе попадание, хотя ударному крейсеру придется несладко. А вот «Долг чести» не может себе позволить повторного удара.

Корабли отходят от планеты и постепенно ускоряются прочь от района Сидерия. Город исчезает за горизонтом. Экипажи на всех трех кораблях работают в ожидании внезапного разрушения. Их спасение заключается во времени, необходимом орбитальным орудиям, чтобы снова накопить свою титаническую энергию. Следует второй залп, но флотилия выигрывает гонку. Лазеры промахиваются, но не сильно. Враг не получает третьего шанса. Регион Сидерия оказывается за изгибом Карчеры до того, как орудия перезаряжаются.

Хотя атмосфера планеты непроницаема, топографическое сканирование показывает лик Карчеры, и капитаны кораблей ведут их над океанами на восток. Здесь поселений нет, и существует небольшой шанс на наличие оборонительных лазеров.

Гиллиман хранит молчание во время маневров. Его офицеры знают, что нужно делать. Корабли должны уцелеть, и флотилия также должна оставаться на близкой орбите Карчеры. Отступления не будет.

Гиллиман отходит от пульта управления, чтобы переговорить с Прейтоном и Городом.

- Мы в патовой ситуации, - заявляет Прейтон.

- Чего не можем позволить, - возражает Гиллиман. - В этой схватке нет патовой ситуации. Она - победа для врага.

Город морщится, смущенный тем, что собирается сказать.

- У нас есть способы выйти из этой ситуации быстро. Циклонные торпеды.

Первая реакция Гиллимана - решительно отказаться от предложения Города, но примарх видит, чего стоит командиру Инвиктаруса озвучить мысль о столь радикальной мере. Примарх будет несправедлив к нему, если ответит в гневе, не обдумав слова Города.

- Карчера - верна, - отвечает ужаснувшийся Прейтон. - Ты говоришь об уничтожении имперского мира.

- Верна, но захвачена, - возражает Город. Делает паузу. - Я согласен с тобой, Тит. Мне ненависты сказанные мною слова. Но такова ситуация. Должны ли мы пожертвовать одним миром, чтобы спасти Терру, а значит и бесчисленное количество других?

- Ничего не закончится на одном мире, - говорит Гиллиман. - Как и на одной жертве. Если мы ступим на этот путь, всегда будет оправдание для следующего шага, всегда во имя целесообразности и большего блага. Драк, ты был прав, подняв этот вопрос, но мы не можем поступить так. Мы превратимся в то, с чем сражаемся. Карчера - верна. Она ждет освобождения, а не Экстерминатуса. И она обладает важным промышленным потенциалом.

- Какой смысл в ее освобождении, если мы потеряем Терру? - спрашивает Город. - У нас есть время на ее отвоевание?

«У нас так мало времени», - думает Гиллиман. И подозревает, что меньше, чем любой из них считает. Но на кону также принципы, и он останется им верным.

- Мы задаем неправильный вопрос, - заявляет он. - Проблема не в том, должна ли Карчера быть принесена в жертву Терре. Проблема в том, чтобы освободить Карчеру и как сделать это быстро. Даже если мы уничтожим этот мир и таким образом очистим точку Мандевилля от варп-шторма, то все равно должны будем ликвидировать космическую станцию и вражеский флот. Нам необходимо разбить все три вражеские группировки, чтобы расчистить путь из этой системы. Поэтому Карчера *будет* освобождена.

- Чтобы подступить к Сидерию, нам нужно разобраться с оборонительными лазерами, - напоминает Прейтон.

- Так и сделаем. Одна рота, доставленная на «Грозовых птицах» с нашей текущей позиции.

Город кивает.

- Они могут пролететь достаточно низко, чтобы лазеры не смогли задеть их.

- Именно, - соглашается Гиллиман. - Рота уничтожит оружейные позиции, затем направится к Сидерию.

Город испытывает огромное облегчение от того, что предложение, которое он сделал по долгу службы, не будет принято. Гиллиман испытывает некую тревогу. Существует вероятность, что Город прав, что нет способа спасти и Карчеру, и Терру. Но Гиллиман действует в рамках логики данной кампании и представленного расчета времени. Он также действует на основании нравственности, которую Империям стремится сохранить.

- Какая рота? - спрашивает Прейтон.

- Я поговорю с Иасом, - отвечает примарх.

- Разрушители, - отзывается Город. - Выходит, вы предвидели эту вероятность, когда приказали «Каваскору» присоединиться к нашей флотилии.

- Я ожидал потенциальную необходимость в необычных силовых действиях, - вздыхает Гиллиман. Он испытывает мало удовлетворения от собственной правоты.

- Насколько широкими будут их полномочия? - спрашивает Прейтон.

- Шире, чем были, - отвечает Гиллиман и многозначительно смотрит на библиария.

Несколько часов спустя капитан Иеракс и Вторая рота разрушителей заканчивают последние приготовления. Посадочные рампы «Грозовых птиц», стоявших в огромном пусковом отсеке

«Каваскора», опущены. Мощные двигатели работают на холостом ходу, наполнив громадное пространство глухим ревом. Из-за выхлопов двигателей танков, поднимающихся по рампам в тяжелые десантно-штурмовые корабли, тяжело дышать.

Иас подходит к Иераксу, стоящему возле посадочных опор «Карающего», который возглавит штурм. Иеракс поворачивается и приветствует магистра капитула. С ним еще один легионер. Это один из сержантов Иеракса, и капитан с интересом замечает изменение в доспехе разрушителя. Тот не носит шлема. Вместо этого его голову окружает психический капюшон.

- Брат-сержант Афовос, - здоровается Иеракс. - Прошло несколько лет с тех пор, как я видел на тебе это снаряжение.

- Я, наконец, переобучен достаточно, чтобы снова использовать его.

После Калта Гиллиман нарушил Никейский указ, и с тех пор шел процесс по возвращению псайкеров в ряды легиона.

- Значит, теперь ты в моем отделении библиарий Афовос.

- Ты оказываешь мне честь, брат-капитан.

- Мы получили указания от примарха, - сообщает Иас. - Используем *все* средства против врага. Ты имеешь полную свободу действий в применении оружия.

- Понимаю, - отвечает Иеракс. - Хорошо.

Предатели обрушили кошмары на мечту Императора о Галактике. Значит, Иеракс обрушит кошмар на них.

- *Хорошо.*

Две «Грозовые птицы» подтипа «Боевой ястреб» летят низко над водой. Ведущий «Карающий» несет подразделение легионеров из Второй роты разрушителей. Рядом с ним «Непрерывная вахта» перевозит тяжелую бронетехнику роты. Выхлопы из двигателей десантно-штурмовых кораблей режут борозды в волнах. Навстречу Ультрадесантникам поднимаются окружающие Сидерий горные цепи. Буруны разбиваются в пену об отвесные, выступающие в океан скалы. «Грозовые птицы» поворачивают на юг и летят вдоль гор. Затем береговая линия раскрывается, превращаясь в регион каменистых равнин.

Показывается цель. Четыре соединенных лазера целятся орудиями в небеса. Одно орудие установлено на башне, которая возвышается в центре приземистой обширной цитадели. Оно обладает большим диапазоном наводки, чем остальные три, может поворачиваться на 360 градусов и стрелять на уровне горизонта. Остальные орудия размещены за пределами цитадели. Их поддерживают гигантские лафеты, а гроздья огромных кабелей соединяют со зданием генератора. Они обладают определенным склонением в вертикальной оси, но и только.

Иеракс находится в кабине «Карающего» с пилотом Ланатом. Тот хороший боец на земле и грозный в воздухе. Его руки бегают по системам управления кораблем так, словно обладают собственным сознанием, давая возможность Ланату следить за целью.

- Что ты можешь сказать об этом строении? - спрашивает Иеракс.

- Выглядит новым. Три внешних орудия установлены недавно.

- Возможно, доставлены из других городов. Вероятно, Сидерий – единственный город, который враг решил защищать.

- Сколько времени заняли бы установка и приведение в боевую готовность всех четырех? – размышляет Ланат.

- Немногие обладают квалификацией для этого, – отвечает Иеракс. – Но те, кто ее имеют, при наличии средств, сделали бы быстро.

Сверхтяжелые десантно-штурмовые корабли приближаются к орудийным позициям. С расстояния в несколько километров открывают зенитный огонь танки «Вихрь», расположенные возле основания цитадели. «Грозовые птицы» отвечают лазерными пушками и ракетами «Грозный удар». Прямое попадание уничтожает укрепленную позицию одного из «Вихрей». Когда Ультрадесантники спускаются еще ниже, готовясь к посадке, Иеракс видит обозначения на вражеских танках и, наконец, узнает своего врага.

- Железные Воины, – говорит он. – Сообщи примарху, кто бросил нам вызов, и сажай нас. Схема посадки «Эридани».

За «Карающим» делает горку «Вахта» и выпускает ураган ракет и лазерных лучей по позициям Железных Воинов, прикрывая посадку боевого брата. Когда расцветают облака пламени, «Карающий» садится, рампа опускается раньше, чем опоры корабля касаются земли. В эти мгновения Ультрадесантники уязвимы, но разрушители действуют быстро, и высадка заканчивается, прежде чем прекращается обстрел «Вахты». Затем «Карающий» взлетает и открывает огонь по противнику, в то время как другой десантно-штурмовой корабль садится и выгружает танки.

Иеракс возглавляет наступление до того, как оба корабля оказываются в воздухе. Минометы высаживаются поблизости от роты. Разрушители не стреляют, давая возможность «Грозным птицам» крушить врага, пока легионеры не приблизятся на расстояние ведения огня.

Земля каменистая и неровная, но укрытий нет. Единственная защита разрушителей – скорость. Иеракс не испытывает недовольства от того, что единственная доступная для него стратегия – прямая атака. Она вполне подходит ему.

Над головами «Грозовые птицы» снова и снова атакуют с бреющего полета Железных Воинов. Корабли выпускают ракеты, и стены цитадели содрогаются, но не падают. Одно из внешних орудий получает прямое попадание. Его длинный ствол падает, расколовшись надвое. Вокруг обломков орудия вспыхивает плазма, разорванные кабели скачут во все стороны.

И вот теперь начинают свою атаку разрушители.

- Небольшие силы, – отмечает легионер Клетос, держа шаг с капитаном, пока их отделение мчится в авангарде.

- Либо они не ждали нас, либо они – высокомерные идиоты, – отвечает Иеракс. Клетос прав. Орбитальные орудия не защищены так, как должны быть. Помимо второго «Вихря», уже выпотрошенного «Грозными птицами», у врага только один танк «Хищник» и может быть двадцать легионеров. Они соорудили импровизированную стену, используя валуны с равнины, но плюют на свое укрытие и бросаются на перехват Ультрадесантников. Их стена помогла против воздушных атак, и,

похоже, этого им достаточно. Теперь разрушители слишком близко, чтобы десантно-штурмовые корабли могли и дальше вести обстрел.

Железные Воины и Ультрадесантники выпускают друг в друга потоки болтерного огня. Иеракс стреляет длинными очередями. В нескольких метрах от него взрывается минометный снаряд, но доспех поглощает энергию взрыва, и он бежит дальше. Его очереди ложатся кучно. Он всаживает несколько болтов в голову Железному Воину.

«Хищник» устремляется вперед, а вместе с ним и легионеры Четвертого. Они ведут себя не как обороняющиеся. Они атакуют, бросаясь вперед. Они – острие меча, нацеленное на центр колонны уничтожителей. Снаряды автопушки «Хищника» испаряют передние ряды Ультрадесантников, и Иеракс едва избегает прямого попадания. Железных Воинов накрывает огонь разрушителей, и некоторые из изменников падают, но они не сдаются. Их атаку не остановит ничто, кроме полного истребления.

Безумие их действий на миг потрясает Иеракса. Затем он понимает смысл стратегии врага. Как и говорил Гиллиман. Железные Воины здесь не для удержания позиций. Их цель – поставить Ультрадесантников в безвыходное положение. Этот отряд слишком мал, чтобы долгое время защищать орудия. Их оборонительные позиции будут сразу же захвачены разрушителями, которые впятеро превосходят Железных Воинов. Но сейчас атакуют воины Пертурабо. Они знаю, что обречены, и поэтому стремятся забрать с собой столько врагов, сколько смогут.

- Расступитесь, – приказывает Иеракс своей роте. – Дайте им пространство. Пусть атакуют.

Разрушители растягиваются и разделяются. Рота дает Железным Воинам беспрепятственный путь в середину своей колонны.

- Я не стану тратить на вас время, – бормочет Иеракс.

Возможно, с вооруженным обычным оружием противником, тактика Железных Воинов принесла бы успех. Но это разрушители, и здесь нет гражданского населения, которое нужно спасти. Только враг, которого нужно истребить с максимальной эффективностью.

- Фосфесные установки, – приказывает Иеракс. – Открыть огонь и прикончить их.

Железные Воины останавливаются, достигнув центра колонны. Вторая рота разрушителей продолжает отходить. Противник в плотном строю поворачивает на север, преследуя одно крыло отступающих Ультрадесантников. Только разрушители не отступают. Они отходят, чтобы нанести удар посильнее.

Железных Воинов накрывают фосфесные ракеты. Жидкий зеленый туман впивается в них, словно голодный зверь. Он прожигает броню. Прожигает плоть. Он хватается свою добычу и не отпускает, пока не поглощает все. Это оружие такое же мерзкое, как и мощное. Ультрадесантники, наконец, дают сдачи в системе Карчера и в награду получают вопли умирающих.

«Хищник» ускоряется, источая зеленое пламя фосфеса. Его лазпушка ведет непрерывный огонь, экипаж настроен перед смертью убить всех, кого смогут. Им осталось недолго. Трое «Хищников» Ультрадесантников берут вражеский танк под перекрестный огонь. Одновременные попадания разрывают его броню и превращают в пылающий остов.

- Быстро вышло, – отмечает Клетос, пока Иеракс ведет своих воинов к цитадели.

- Быстрая победа – единственный способ победить в этой войне, – отвечает ему Иеракс. Иас предельно

понятно объяснил, что стоит на кону.

Разрушители достигают основания цитадели. Защитников больше нет. Иеракс отправляет подрывные команды уничтожить два других внешних орудия, а сам с оставшимися отделениями проходит через главный вход. Запертые железные двери беспомощны перед мелта-зарядами, и Ультрадесантники проникают внутрь.

Земля внутри напоминает застывшую бурю. Повсюду извиваются кабели и силовые провода, переплетаясь друг с другом. Они тянутся от колоссального генератора в центре огромного пространства. Его многочисленные катушки высотой напоминают древние деревья. Они светятся тускло-синим цветом и гудят убийственной энергией. Чудовищная масса проводов ведет от генератора к задней части цитадели. Там, занимая более половины сооружения, находится плазменный коллектор.

Генераторы переделали, чтобы вырабатывать необходимую для четырех орудий энергию. Такая выходная мощность сказывается на пределе прочности их конструкции.

Иеракс повсюду видит следы недавней работы над генераторами и питающими механизмами коллектора, а также укреплением стен цитадели. Враг хорошо постарался.

- Железные Воины не смогли бы своими силами сделать так много и так быстро, - сообщает Иеракс своей роте. - Слишком много механических и технологических знаний. Будьте готовы встретить другого врага внутри этих стен.

Помещение, занимавшее большую часть внутренней цитадели, пусто, но в северо-западном углу на следующий этаж ведет спиральная железная лестница. Иеракс поднимается с болтером наизготовку, за ним его отделение. Он останавливается на верхних ступенях. Свет в помещении наверху тусклый, полумрак пульсирует мерцающим свечением пикт-экранов. Это центр управления оборонительными лазерами. Иеракс, перескакивая за раз через три ступени, врывается в комнату и выпускает по широкой дуге длинную очередь. Экраны взрываются, наполнив воздух ураганом осколков. От разбитых постов извиваются электрические разряды. Существо, некогда бывшее человеком, испускает запинаящийся скрипучий визг бинарного кода, и тут же болты пробивают его грудную клетку.

Адепт Механикума падает на пол, мехадендриты и сочлененные металлические конечности неконтролируемо дергаются. Из пальцев выпадает плазменный пистолет. Иеракс подходит к закутанному в мантию труп. Плоти вообще не видно. Кажется, металлические конечности вырастили иглы. Капитан не представляет, для чего их можно использовать. Они выглядят абсолютно ненужными, физическим симптомом порчи, одновременно моральной и механической. Иеракс кривит губы от омерзения и стреляет в череп адепта, осколки металла и кровь разлетаются по полу.

К капитану подходит библиарий Афовос.

- Всего один? - спрашивает он.

Иеракс кивает.

- Достаточно, чтобы управлять орудиями в этом центре управления.

- Но это существо не само подключило внешние орудия к стенам цитадели.

- Нет. Где-то есть еще.

Если есть еще адепты Механикума, они не в цитадели. От других отделений поступают доклады, как

только они завершают прочесывание позиций оборонительных лазеров. Враг уничтожен. Ультрадесантники захватили цель.

Иеракс приказывает полностью уничтожить цитадель, затем выходит наружу. После доклада на «Ультимус Мунди» о том, что Железные Воины действуют на планете в союзе с Механикумом, он смотрит на север, в сторону гор, которые скрывают Сидерий.

- Ланат, - вызывает он пилота, - какие новости?

После захвата орудий «Грозные птицы» проводят разведку над горами, выискивая путь к улью.

- Есть проход, - сообщает Ланат.

- Я вижу.

От лазеров к узкой расщелине в горах ведет дорога. Суровые зазубренные вершины поднимаются от равнины, словно крепостные стены. Иеракс впечатлен волей карчеранцев, которые решили создать поселение внутри такой грозного барьера. Это было героической задачей.

- Враг поработал в ущелье, - докладывает Ланат. - На дороге многочисленные завалы.

- Есть хоть какой-то шанс, что танки пройдут?

- Нет. Только после расчистки, на что уйдут дни. Но пехота сможет преодолеть заграждения.

Иераксу не нравится путешествие, которое предвещает эта информация.

- Есть другой путь по суше?

- Нет. Здесь, по крайней мере, есть частичная дорога.

- А воздухом до Сидерия?

- Это Ренниас, брат-капитан, - подключается пилот другой «Грозной птицы». - Я только что попытался пролететь над городом. На шпилях много зенитных орудий, условия сдвига ветра экстремальны, и нет места для посадки.

Иеракс стискивает зубы. У него неприятное ощущение петли, наброшенной на его роту, и он ничего не может поделать в этой ситуации.

- Понятно, - обращается он к пилотам. - Дайте нам максимальную поддержку с воздуха.

Он переключается на ротный вокс-канал.

- Сержант Горфия, твое отделение остается на этой позиции. Остальные легионеры, мы направляемся к ущелью. Нам придется оставить танки и двигаться пешком.

Хроссус стоит на пороге часовни Несущих Слово, ожидая, когда Кер Вантакс заметит его присутствие. Кузнец войны подавляет свое нетерпение и острое желание позвать капеллана, нарушив тем самым его концентрацию.

Вокруг стен часовни кружат песнопения Несущих Слово. Они бьют в Хроссуса отвратительной, сводящей с ума волной. Звук становится видимым. Он течет по полу помещения. Он - жидкость и туман,

и трясется, как плоть, и обладает силой камня. Цвета шепчут о снах, безумии, пылающих мирах. Купол зала размывается. Хроссус смотрит на него и у него возникает ощущение, словно он может подняться сквозь потолок, пролететь через систему Карчеру и дальше, за пределы самого материума.

Железный Воин быстро отворачивается. У него нет сомнений, что Кер Вантакс говорил правду. Это кровавый мир. И неважно, приблизила ли его история к варпу или тонкость завесы между материумом и имматериумом контролировала его историю. Здесь темные силы близки к реальности.

Кер Вантакс раскачивается из стороны в сторону в трансе. Его лицо скрыто тенями и меняющимися цветами, но время от времени черты проясняются, а из взгляда исчезает бесконечность, словно капеллан снова осознает себя и мыслит рационально о стратегии и тактических потребностях, а не общается с силами за гранью разумного.

Именно такой момент происходит сейчас. Кер Вантакс перестает петь. Колдовской туман стекает с его тела, собираясь у ног, и капеллан видит Хроссуса. Не оставляя своего места в центре звезды, Кер Вантакс подает голос: «Можешь поговорить со мной, кузнец войны».

Остальные Несущие Слово не реагируют. Они слишком глубоко погружены в транс. И продолжают петь, и Хроссусу приходится повысить голос.

- Ультрадесантники захватили оборонительные лазеры, - сообщает он. - Они направятся сюда. Мне нужно, чтобы они отчаялись до такой степени, что начнут совершать ошибки.

- А Гиллиман совершает ошибки?

- Он поверил вам на Калте.

Кер Вантакс улыбается.

- Чего ты хочешь от нас? - спрашивает он.

- Так или иначе, они приближаются. Мы будем сдерживать их, сколько сможем.

- Но не вечно.

- Нет. Мы ударим по ним изо всех сил и будем атаковать как можно дольше. Теперь нам нужно больше, чем твой шторм, капеллан. Нам нужен вихрь.

- Значит, наше жертвоприношение начнется по-настоящему.

- Наше не заставит себя долго ждать, - добавляет Хроссус.

- Не заставит, - соглашается капеллан. - И оно будет небольшой ценой за то, чтобы узреть такой триумф.

- Прощай.

- Прощай, кузнец войны.

Хроссус задерживается, когда Кер Вантакс снова погружается в свой транс, распевая слова, способные заставить камень кричать. Цвета усиливаются. Тошнотворный туман вращается сильнее вокруг Несущих Слово. И он густеет. Края их мантий кажутся рваными, словно растворяясь в тумане. Над головой искажается купол. Хроссус еще раз осмеливается посмотреть вверх, и он словно смотрит через око

циклона. Сила призыва Несущих Слово растет, и это требует от них большего. Они никогда не покинут живыми этот круг, но то, что они вызвали, будет чудовищно.

Приходит сообщение о захвате оборонительных лазеров, и Гиллиман приказывает «Ультимус Мунди» и его эскорт вернуться на позицию над Сидерием. Корабли еще даже не начали маневр, когда Прейтон пошатывается. Он хватается за поручни так сильно, что раскалывается медь. Библирий морщится от боли, и из уха сочится кровь.

- Импульс варп-энергии, - шепчет Прейтон. - Варп-активность огромна. - Ему с трудом даются слова. - Шторм...

- Ауспик, - вызывает Гиллиман. - Сканирование системы. Что там происходит?

Ему едва ли нужно спрашивать. Что-то поднимается над горизонтом Карчеры, со стороны Сидерия, и выстреливает в пустоту. Это скрученный гейзер неслета, и материум вокруг него трескается. От трещин расходятся паутинки варп-безумия, призрачные пальцы окружают планету, изучая и пробуя реальность. И разъедая ее.

Сканирование завершается, когда корабли находятся над океанами, на полпути к земле.

- Варп-шторм расширяется, - докладывает Каллан. - Он протянулся далеко за точку Мандевилля. Его скорость... - Она качает головой.

- Невозможна, - заканчивает Гиллиман.

- Он распространяется по системе.

- Враг стремится погрузить всю систему в варп, - говорит Прейтон. Он выпрямляется, придя в себя.

- Сколько на это потребуется времени? - спрашивает Гиллиман.

- Два дня, - отвечает Прейтон. - Возможно, меньше.

- Достаточно долго, - говорит Гиллиман, хотя сам чувствует, как песчинки в часах падают с головокружительной скоростью. Если через два дня флот все еще будет в системе, то это будет самое страшное поражение. Аквиле не потребуется два дня, чтобы захватить космическую станцию, как и Корвону, чтобы разбить флот Железных Воинов. Ситуация на Карчере более неопределенная, но разрушители сделают то, что должны.

Словно прочитав мысли примарха, Прейтон спрашивает:

- А если Иеракс не выполнит задачу вовремя?

- Он выполнит, - отвечает Гиллиман. Он пока не озвучивает худший вариант, хотя и выведет флотилию на позицию, чтобы выполнить самый худший. Он не принесет в жертву Карчеру, но теперь он должен принимать во внимание вероятность меньшей цены, но которая все равно останется пятном на его совести.

В его будущем вырисовывается орбитальная бомбардировка Сидерия.

Поначалу разрушители двигаются быстро. На протяжении нескольких километров дорога цела. Первый

обвал заблокировал проход для машин. Тем не менее, легионеры преодолевают его почти без потери скорости. Первые воины, добравшиеся до вершины баррикады, обеспечивают прикрытие для следующих за ними боевых братьев. Нападений нет, и рота движется дальше по горному проходу.

Последнее вокс-сообщение от Иаса давит на Иеракса и подгоняет его. Система погружается в безумие, и быстрое взятие цитадели все меньше и меньше ощущается победой, а больше бессмысленной задержкой на пути к Сидерию. Капитан решительно настроен добраться до улья и разбить врага. Он может представить судьбу, которая ждет город в случае его неудачи, и он должен предотвратить ее. Тактика его роты самая безжалостная в легионе, но всегда направлена исключительно на врага. Они разрушают ради спасения, и они спасут Сидерий.

И Карчеру.

И Терру.

Но затем неожиданно в тылу раздается грохот механического грома. Звук колоссален. Оживает огромная машина, и хотя расстояние не один километр, она столь глубокая и огромная, будто открываются челюсти самой планеты. В этот же момент раздается серия взрывов, а затем грохот рушащихся гор. Вдали, со стороны входа в горный проход, поднимается огромное облако пыли. Иеракс понимает, что путь назад отрезан.

Когда шум горного обвала стихает, Иеракс различает новый звук. По ущелью разносится эхо шагов металлических ног и лязг гусениц по камням.

За Иераксом шел второй враг, которого он искал, но не нашел.

4

Смыкающиеся челюсти

- Торпеды на подходе, - докладывает один из рабов-офицеров «Барбикана».

Даруг наблюдает за появившемся на пикт-экранах залпом. Он массивный и выпущен широким фронтом. Флотилия, должно быть, задействовала все торпедные аппараты. Торпеды идут эшелонированным порядком. Одни приближаются группами, другие - поодиночке. И их очень много. Если направленный Железным Воином лазерный огонь по далекой флотилии и нанес какой-то урон, то это никак не сказалось на способности кораблей атаковать.

Саварран дерзок и уверен.

- Им придется постараться лучше, чтобы вывести из строя эту станцию.

Насмешка легионера - внешнее проявление такой сильной ненависти, что Даруг почти слышит, как она гудит. Саварран как будто стремится к победе исключительно силой гнева, вызванного неминуемостью поражения и отказом принимать такой конец. Даруг воспользуется этим гневом. Он использует все, что сможет, ради уничтожения надежды Ультрадесантников.

- Некоторые из этих торпед - абордажные, - говорит капитан. - Они и есть истинный замысел этой атаки. Мы не знаем, в которых из них враги, а они знают, что мы не сможем уничтожить каждую цель в

такой мощном залпе.

Он задумывается на минуту, а потом отдает приказы.

- Стреляйте по групповым целям. Уничтожьте как можно больше торпед в группах, а затем сосредоточьтесь на одиночных целях. Приоритет - левый и правый фланги.

Он считает, что одиночные угрозы можно проигнорировать, в отличие от групп, с которыми придется иметь дело, если станция собирается избежать главной опасности - целей, в которых могут находиться Ультрадесантники.

Батареи станции сменили целеуказания с кораблей на торпеды. Эти цели небольшие и скоростные. Они - настоящая проверка для сенсоров автонаведения и мастерства экипажа. Вдалеке видна вспышка, слабое бурление газов при попадании лазерного луча в групповую цель. Затем оборонительный огонь переключается на ракеты по периферии залпа, те, что, кажется, стараются подойти незаметно.

Ударные волны от цепи взрывов накрывают абордажную торпеду в тылу группы, и она продолжает полет по направлению к станции.

- Мы хорошо справляемся, - говорит легионер Васкас, пилотирующий торпеду. Для космодесантника он некрупный, крепкий, как сжатый кулак, но точный, как кинжал.

- На данный момент да, - соглашается Аквила. - Но это достижение будет бессмысленным, если мы не достигнем цели.

«И скольким из нас это удастся?» - думает он. У него нет возможности узнать, сколько других абордажных торпед все еще целы. Он приказал сохранять полное вокс-молчание во время подлета. Железные Воины не должны выяснить, какие из торпед представляют настоящую угрозу, пока не станет слишком поздно.

- Они больше не стреляют по нам, - говорит Васкас. - Они делают именно то, что вы предсказали, капитан.

- На что я надеялся, - поправляет Аквила. Его практика основана на обоснованной теории, насколько он смог ее выработать, но слишком многое из того, что случится в следующие несколько минут, зависит от случая. Он сделал ставку на то, что Железные Воины будут искать торпеды, которые трудно найти, трудно заметить, и представляются им в качестве угрозы. Поэтому все абордажные носители являются частью групповых залпов, следуя за обычными торпедами на минимально допустимой дистанции, чтобы не погибнуть от цепной реакции.

Случай определяет полет торпеды, а также ее успех. Аквила сделал все, что мог. Его холодные синие глаза видели больше, чем их роль в превратностях случая, так как он играет то за Ультрадесантников, то против них. Гиллиман учил легион никогда не пренебрегать случаем при создании практики. Отвергать его - значит, накликасть несчастье, и все же случай избегает хватки самого точного анализа. Случай - переменная, которая всегда присутствует и всегда не поддается контролю. Сейчас Аквила чувствует силу случая. Он ощущает его контроль, его хватку. Случай управляет его абордажной торпедой и остальными из его роты. Возможно, случай снова держит в своих руках судьбу легиона.

Через иллюминаторы отсека пилота капитан видит, как паутина огня Железных Воинов режет пустоту на полосы. Торпеда приближается к «Барбикану», и с этой дистанции все еще кажется, что подойти к

станции невозможно. Концентрация лазерного огня со станции и орбитальных платформ выглядит слишком плотной для прорыва. А поблизости от сети гигантских орудий создается впечатление, что он исключен.

Расцветают взрывы, созвездия вспышек света в пустоте. Случайный лазерный луч проносится мимо носа торпеды.

- Держать курс, - говорит Аквила Васкасу. Любое отклонение от прямой траектории торпеды выдаст ее сущность.

- В маневрах уклонения нет особого смысла, не так ли? - говорит пилот.

- Верно, - соглашается Аквила. Двигаясь по прямой линии, они находятся под огнем общего оборонительного огня станции. Но при попытке изменить курс, они навлекут на себя скоординированный удар.

Абордажная торпеда проходит между оружейными платформами и космической станцией. Впереди растет в размерах «Барбикан». Он сильно защищен, но не неприступен. А торпеды Ультрадесантников нацелены на мостик.

Губы Даруга растягиваются в безмолвном рыке. Лазерные орудия уничтожили множество торпед, но некоторые приближаются. Вот-вот начнутся удары по корпусу станции.

Обратив внимание на его выражение, подает голос Саварран:

- Мы уничтожили большинство целей.

- Пока не уничтожены все, этого недостаточно, - резко отвечает Даруг. - Существуют высокие шансы, что те торпеды, что доберутся до нас, будут заполнены Ультрадесанниками.

Даруг не испытывает большого уважения к случаю, но обладает непреклонной злобной верой в судьбу. Хотя он знает, что его ждет в этот день, но будет биться с такой судьбой до последнего вдоха.

- Попадание, правый борт, - предупреждает один из членов экипажа.

Это первая торпеда, проскользнувшая через огонь. Она попадает и взрывается. Пустотные щиты мерцают, поглощая энергию. Несколько секунд спустя вторая торпеда бьет недалеко от первой. Он перегружает пустотный щит и врезается в бронеобшивку «Барбикана». Доклады о повреждениях поступают несколько мгновений спустя. Торпеды нанесли незначительный ущерб, но Даруг уже чувствует определенное облегчение, когда слышит взрывы. Такие торпеды не вызывают у него страха.

Башни «Барбикана» вращаются во все стороны, заливая огнем небосвод. Все крупные скопления торпед уничтожены. Большинство из фланговых тоже. Даруг знает, что станция получит еще попадания, но теперь он недоверчиво гадает, мог ли лазерный обстрел преуспеть в уничтожении абордажных торпед.

Затем раздается крик офицера: «Схождение!»

Краткий миг дает жестокий ответ на неохотную вспышку надежды у Даруга. Группа торпед - остатки от групповых целей - устремляется с разных углов в одно и ту же точку. Даруг осознает, что они - именно то, что он ищет. Вот только они внутри сектора стрельбы. Он видит их приближение. Все это время он знал об их приближении. Но увидел их слишком поздно.

- Всем орудиям сосредоточить огонь на точке схождения, - отдает он бесполезный приказ. Он видит, куда ударят торпеды, и разворачивается, покидая мостик. Саварран следует за ним.

- Враг на борту, - сообщает он своим легионерам. За его спиной иллюминатор вдруг залило яркой вспышкой. Одна из торпед погибла совсем близко от своей цели.

Когда Даруг добирается до зала, он чувствует через палубу глухие вибрации и скрежет головных частей торпед, пробивающих корпус.

Ультрадесантники прибыли.

- Это не отступление, - бормочет Вуртак. - Это атака.

Он шепчет эту мантру с начала преследования флотом XIII легиона его флотилии.

- Не отступление. Атака.

Знание стратегии Хроссуса не помогало. Все, что он чувствовал - это безотчетный стыд от бегства.

До этого момента.

Корабли Железных Воинов приближаются к Химере. Скалистая планета растет в размерах в иллюминаторе «Выкованного войной». Теперь план кузнеца войны кажется не таким абстрактным.

- Направляемся к дальней стороне Химеры, - приказывает Вуртак. - Становимся на самый нижний якорь.

Когда планета приближается, ненависть Вуртака к Ультрадесантникам не стихает, но к ней присоединяется возрожденная решимость. Сегодняшний день не станет последним для его роты. Не после удара, который он собирается нанести.

Стыд от отступления растворяется. Вот-вот начнется настоящая атака.

На мостике «Блистательной новы» Лукреций Корвон смотрит на гололитические проекции, демонстрирующие относительные позиции флота Ультрадесанта и флотилии врага.

- Что-то не так, - говорит Корвон.

- Что именно? - спрашивает сержант Анцеван.

- Эта погоня. Все в ней неправильно. Железные Воины не отступают.

- Что может сделать одна флотилия против целого флота? - спрашивает Анцеван.

- Ничего, - признает Корвон.

- Любой приказ, кроме отступления, был бы самоубийством.

- Ты недооцениваешь неукротимость Железных Воинов. Когда они настраиваются на битву, то действуют до тех пор, пока не победят или не умрут. Да, отступление - единственный рациональный выход, но зачем направляться именно на эту позицию? Отправлять одну флотилию против целого флота? - Корвон качает головой. - Тактика «бей-беги»? Она чужда Пертурабо и его сыновьям.

- Возможно, они рассчитывали, что флот будет застигнут врасплох и понесет большие потери в засаде.
- Возможно, - неохотно допускает Корвон. Гипотеза его не устраивает. Действия Железных Воинов одновременно логичны и бессмысленны. Бегство - единственный вариант. Тем не менее, ситуация не согласуется с философией войны IV легиона.
- Это может продолжаться долгое время, - замечает Анцеван. Дистанция между флотом и флотилией уменьшается очень медленно.
- Погоня не будет длиться вечно. Наши более мощные корабли настигнут их.

Корвон ведет постоянный обстрел из снарядов, лазеров и торпед по ударному крейсеру. Скоро корабль Железных Воинов окажется на дистанции эффективного огня и будет уничтожен.

- Им придется что-то предпринять.

Если Корвон во что-то не мог поверить, так это в то, что Железные Воины будут просто бежать, пока их не догонят.

- Может быть, они нас отвлекают?
- От Карчеры? Может быть.

Расширяющийся варп-шторм нарушает связь, но не полностью. Вокс-офицеры работают не покладая рук, каждое сообщение между подразделениями флота Ультрадесантников требует многочисленных попыток. Даже в такой ситуации, поступающей информации достаточно, чтобы дать Корвону представление об общей картине, включая то, что происходит на Карчере. Отвлечение остального флота от Карчеры - правдоподобное объяснение, но Корвону этого недостаточно. Из того, что он знает о ситуации на поверхности планеты, присутствие всего флота немного бы изменило. Единственным новым вариантом была массированная высадка, именно тот вид тактики, на которую ушло бы слишком много времени. Предположение Анцевана - реальная гипотеза. Оно объясняет действия Железных Воинов, но объяснение - слабое и не в полной мере соответствует характеру IV легиона, насколько Корвон его знает.

Дистанция продолжает уменьшаться, но не достаточно быстро, чтобы Корвон мог помешать вражеской флотилии исчезнуть за дальней стороной Химеры. Руны окружают гололитические образы врага на тактических экранах, предупреждая об умозрительном статусе отображаемой позиции. Несколько минут спустя Железные Воины исчезают с экранов. Все, что остается - единственная руна неопределенности, мигающая на дальней стороне образа планеты.

- Ауспик? - обращается Корвон.
- Нет данных, - отвечает офицер. - Враг остановился. Похоже, корабли находятся на нижней орбите.

«Но где и почему?» - гадают Корвон.

- Детальное сканирование Химеры завершено, капитан, - докладывает ауспик-офицер, опережая его следующий приказ.

Корвон и Анцеван поворачиваются к столу тактикариума. Над ним парит увеличенный голообраз планеты. По экранам стола текут потоки данных, предоставляя подробный портрет мира. Диаметр Химеры меньше трех тысяч километров, атмосфера отсутствует, солнце системы не более чем яркая

синяя точка. Химера – мертвый мир. Его никогда не колонизировали, хотя поверхность усеивают добывающие станции. Извлечение руды – сложный и трудоемкий процесс, который бы не начинали, если бы не настойчивая необходимость в ресурсах Карчеры и остального Империиума.

Добывающие станции едва регистрируются сканированием, излучая только остаточную энергию. Либо шахтеры сбежали с Химеры, либо все они мертвы.

- Используют планету в качестве щита? – задумчиво произносит Анцеван.

Корвон барабанит пальцами по столу.

- Или оборонительная игра не по душе Железным Воинам, – говорит он. – По крайней мере, они больше не бегут.

- Сколько времени, они думают прятаться от нас?

- Они ошибаются, если считают, что вообще смогут спрятаться.

Корвон направляется к пульту управления.

- Приказ флоту, – сообщает он. – Окружаем планету. Атакующая схема «Дельфы».

Он не позволит Железным Воинам прятаться и не даст им времени подготовить атаку. Флот рассредоточится, как пальцы хватающей руки, окружит Химеру со всех сторон, и больше некуда будет бежать. Один быстрый уничтожающий удар, и Корвон сотрет корабли IV легиона в этой системе.

Когда флот приближается к Химере, рука раскрывается. Курс «Блистательной новы» приведет ее к северному полюсу планеты. Корвон знает, что этот маневр тактически верен. Гиллиман ждет от действий Корвона именно этого – быстрой и решительной ликвидации угрозы.

Но что-то не так.

Все не так.

Земля дрожит под ногами сержанта Горфии, и он понимает, что челюсти ловушки смыкаются. Третье отделение и танки разрушителей находятся сразу перед входом в ущелье. Трясет повсюду. С горных склонов лавиной падают камни. И это не землетрясение. Оно длится слишком долго, оно слишком равномерно и слишком механично.

Горфия поворачивается в сторону цитадели и видит, что он ошибся. Челюсти ловушки не смыкаются. Они открываются.

Равнина между третьим отделением и цитаделью вибрирует. Устлавшие ее камни подсакаивают, когда огромная площадь начинает подниматься. Камни скрывали огромный люк, который теперь поднимается гигантскими поршнями, размерами с трубы мануфакторума. Люк, каждая из сторон которого достигает сотни метров, поднимается все выше и выше, с краев сыпется грязь и камни, и под ним оказывается еще одно орбитальное орудие. Оно огромно. Диаметр ствола равен суммарному диаметру четырех других орудий. По земле бежит его чудовищная тень, но грозит он небесам.

Горфии не нужно отдавать приказ отправить сигнал тревоги. Он слышит, как по воксу кричит легионер Крет, предупреждая флотилию на орбите держаться подальше. Горфия знает, что вызов придет слишком

поздно. Все – слишком поздно. Уровни вражеского обмана раскрываются. Сержант видит, как глубоко они уходили и насколько мощную атаку скрывали.

Из-под земли выступают боевые автоматы «Кастеллян».

Силы, собранные для защиты орудия и атаки на его позицию, не смогли бы справиться с полной ротой в открытом бою. Но их будет более чем достаточно, чтобы уничтожить его отделение.

– Здесь действует Механикум, – передает Крет, и Горфия надеется, что сообщение достигнет «Ультимус Мунди», потому что Гиллиман поймет, что это значит для Иеракса и его роты.

Танки – единственное оружие, могущее уничтожить врага – неподвижны и уязвимы, их экипажи присоединились к роте в ущелье. Ураган вражеского огня обрушивается на машины, расплавляя броню, взрывая топливные баки и боеприпасы. Горфия прыгает к ближайшему «Хищнику», Крет сразу за ним. Сержант встает к орудию, в то время как Крет заводит двигатель. Его отделение из десяти легионеров при наличии достаточного времени может противопоставить врагу максимум пять танков. Этого может быть достаточно, чтобы повлиять на ситуацию. Достаточно, чтобы помочь. Вот только времени нет.

Горфия стреляет из автопушки «Хищника». Снаряд попадает в среднюю часть «Кастеляна», оторвав ноги от тела.

Затем весь мир начинает гудеть. Шум ощущается физически. Он оглушает Горфию. Даже внутри доспеха волосы на руках встают дыбом, реагируя на чудовищный выброс энергии. Огромное орудие выстрелило.

Массированный огонь вскрывает броню танка, дезинтегрирующие лучи проникают внутрь и попадают также в Горфию, потому что все слишком поздно.

Карчера изливает гнев. Ее ярость – это жгучий поток света. Гиллиман щурится от чудовищной вспышки, которая пронзает пустоту. Ее яркость божественна, но она приносит только разрушение. «Долг чести» получает попадание. Лазер испепеляет пустотные щиты. Они словно не существовали. Луч попадает в переднюю часть двигательного отсека фрегата и проходит сквозь корпус прямо в надстройку и мостик, а затем уходит в ночь. Шар расширяющейся плазмы проносится через корпус «Долга чести». Надстройка разорвана, алмазней искромсан, словно ленты, за лучом разлетается выброс обломков.

– «Долг чести», – начинает инстинктивно вызывать вокс-офицер, затем останавливается. Ответа нет.

Нос фрегата остается на курсе. Он не совсем темен. Пожары распространяются и вырываются в пустоту из разорванного корпуса. Мертвый корабль продолжает последний поход, направляясь к позиции над Сидерием. Даже его труп не достичь этой точки, и следует второе попадание, даже скорее, чем Гиллиман счел бы возможным. Луч разрезает центр остова «Долга чести». И снова жуткий пульсирующий свет заполняет иллюминатор «Ультимус Мунди». Когда он гаснет, фрегат рассыпается. Крупные обломки падают в атмосферу, раскаляясь докрасна. Кусок, все еще напоминающий грубую форму корпуса, удаляется в пустоту. Пожары затухают. Не остается ничего, кроме холодного расщепленного остова, разрушенного монумента войне.

Капитан Тай Нетерциан отдает приказ на отход. Экипаж предвидел команду. Каждый на мостике слишком хорошо знает, что необходимо сделать в эти критические мгновения. Гиллиман не вмешивается. Его задача – предвидеть дальнейшие действия врага и отреагировать на них.

- Второй выстрел сделан слишком быстро, - замечает Прейтон.

- У Механикума было время подготовиться, - отвечает Гиллиман. - Должно быть, они соорудили огромное хранилище плазмы.

- Даже в таком случае, - вставляет Город, - сколько раз орудие такой мощности сможет стрелять так быстро?

- Пока не исчерпает энергию или уничтожит себя? - спрашивает Прейтон.

- Оно выстрелит достаточно раз, - отвечает Гиллиман. - Ровно столько, сколько нужно.

Уничтожат ли смертельные выстрелы корабли или нет, орудие пожирает время, а песчинки в часах продолжают падать.

«Ультимус Мунди» совершает разворот, когда приходит следующий выстрел. Лазер попадает линкору прямо под нос. Пустотные щиты, гораздо мощнее тех, что были на «Долге чести», сопротивляются лучше, поглощая больше уничтожающей энергии попадания. Затем они тоже отключаются, и весь левиафан войны сотрясается. Нетерциан дергается на своем троне, надавив на мехадендриты, которые соединяют его с машинным духом «Ультимус Мунди».

Гиллиман чувствует силу удара в вертикальном движении огромного корабля. Еще до того, как начинают голосить ревуны, он знает, что лазер наносит удар, подобно погружающемуся в плоть кинжалу. Корпус пробит. Огонь проносится по палубам. Люки в переборках опускаются, отрезая участки корабля и обрекая тех членов экипажа, которые еще не сгорели или не вылетели в пустоту. Экран слева от командного пульта вспыхивает длинными колонками красного цвета. Гиллиман пока не обращает внимания на доклады о повреждениях. Важно только то, что корабль все еще движется и может маневрировать. Если он не сможет выйти за радиус действия орудия до следующего выстрела, значит, информация на этом экране неважна.

Следующий выстрел проходит мимо, и «Ультимус Мунди» завершает поворот, его двигатели набирают обороты, и гигант пытается разогнаться. После слишком короткой отсрочки с планеты бьют лучи и попадают в «Каваскор». Пламя охватывает середину правого борта, но крейсер выживает. Короткое сообщение с его мостика уведомляет, что его жизненный путь еще не окончен.

Орудие стреляет в ужасающем темпе, но чудовище должно делать вдох между изверганием огня, и корабли выходят из зоны досягаемости. Еще до этого момента Гиллиман покидает командный пульт управления и направляется в стратегиум, размышляя о трех частях своего флота. Он метнул трезубец в сердце врага, но еще не попал в цель. И тот ход, который он *должен* был сделать, все больше и больше кажется тем самым, который от него все это время хотели Железные Воины.

Варп-шторм продолжает усиливаться. Связь между соединениями обрывочная, но достаточная, чтобы Гиллиман имел общую картину сражения. Он знает, что Аквила взял на абордаж станцию, а Корвон сближается с кораблями Железных Воинов. Но его нет на станции с Аквиллой и на мостике с Корвоном. Тем временем, на Карчере Иеракс находится в ловушке. За спиной разрушителей - Механикум, а перед ними - Железные Воины, и они заперты в узком ущелье.

Вариантов у Гиллимана не много, но они лучше, чем ничего.

- Высаживаемся на планету, - говорит он Городу и Прейтону. Этим действием он суживает свое внимание до одного участка битвы. Держать в уме общую картину станет сложнее. Но это необходимо

сделать. – Атакуем быстро и беспощадно.

Песчинки падают все быстрее и быстрее.

5

Запуск ловушек

Разрушители наступали против артиллерии Железных Воинов. Она не могла вести огонь прямой наводкой, и Иеракс вел своих легионеров короткими быстрыми перебежками через хаос взрывов и инициированных камнепадов. Иеракс отчаянно старался поддерживать темп наступления.

– Они не могут остановить нас, – сообщил он свой роте. – Но думают, что могут замедлить. Огорчим их дважды!

Таким образом, разрушители вышли на последний километр, который отделяет их от Сидерия, держась впереди сил Механикума, хотя дистанция между ними сокращается. Приближению Механикума предшествовали постоянные серии взрывов. Иеракса сначала это озадачивало, но потом густые облака пыли и далекий рокот тяжелой бронетехники дали ему ответ. Преграды, которые он со своими людьми преодолевал, были двойной ловушкой. Они замедлили разрушителей и вынудили их оставить свои танки. Но они также были заминированы и взрывались, как только к ним приближались Механикум. И теперь рота Ультрадесанта оказалась под артиллерийским огнем с двух направлений.

Ущелье сильно сузилось. Скалы раскололи, заполнив проход валунами. Здесь практически не было места для маневра, и разрушители должны перебираться через бесконечные баррикады из острого гранита. А теперь они достигли точки, где Железные Воины смогут их атаковать прямой наводкой. Предатели разместили свою бронетехнику на стационарных позициях, и «Хищники» поставили непроницаемую завесу лазерного огня.

Наступление застопорилось. Иеракс присел на холме из рухнувших камней. Концентрированный артиллерийский огонь вспахивает землю сразу за возвышенностью, а перекрестный лазерный – прошивает вершину. Обстрел остановил Ультрадесантников. «Хищники» застигли их врасплох, и потери были высокими. Танки находятся на закрытых позициях, высоко на скалах по обеим сторонам ущелья. Они также могут находиться в усиленных бункерах.

Присевший рядом с Иераксом Афовос обращается к капитану:

– Мне не хватает наших танков.

Ему приходится кричать, чтобы Иеракс услышал.

– Хорошо спланированная нехватка, – рычит Иеракс. – Изменники заманили нас туда, где мы бы не смогли воспользоваться бронетехникой, но у них было время установить свою.

– Если они прижмут нас здесь надолго, то нас догонят Механикум.

– Нам нужна дыра в завесе Железных Воинов, – говорит Иеракс. «*И быстро*», – думает он. Афовос прав. Оказаться прижатыми здесь на неопределенное время не худшее, что может случиться. А вот если их настигнут Механикум, то это точно будет достаточно плохо.

Всматриваясь через дым и пыль, поднятые обстрелом, Иеракс изучает скалы по обеим сторонам ущелья. Оно такое узкое и тесное, что представляет собой всего лишь расщелину между стенами высотой в сотни метров. На правой стороне, где обвалившиеся камни создали преграду, склон из камней у стены ущелья не такой крутой, как слева.

- Брат Анталкид, - связывается Иеракс с дредноутом-разрушителем, - ты нам нужен на передовой.

- Что ты задумал? - спрашивает Афовос.

Иеракс указывает направо. Он проводит линию по завалу вдоль его вершины от дна ущелья к горе, где находится одна из танковых позиций Железных Воинов.

- До врага можно добраться по этому пути, - говорит он. - Внезапная массированная атака должна уничтожить там тяжелую технику. Это может дать нам необходимую брешь в заграждении.

- Гребень очень узкий, - говорит библиарий. - Нам придется идти колонной по одному. Они смогут легко нас перестрелять до того, как мы доберемся до них.

- Вот почему мы не пойдем этим маршрутом.

К позиции Иеракса с грохотом подходит Анталкид. Дредноут тяжело ступает по пересеченной местности, его массивные ноги каждым неторопливым шагом крушат камни. Из-за камнепадов продвижение Анталкида по ущелью было самым замедленным, но он не сбавляет темпа, взрывая то, через что не может перелезть.

- Брат-капитан, - раздается из вокс-передатчика древний металлический голос.

Иеракс озвучивает дредноуту свою идею.

- Как думаешь, сможешь добраться до позиций танков по южному склону?

- Смогу, - отвечает Анталкид.

- Хорошо. Сотри их в порошок. Мы будем подниматься отсюда и отвлечем их.

Иеракс связывается с сержантами.

- Подготовьте свои отделения к массированной атаке.

Анталкид поворачивается и возвращается к началу южного подъема. Как только он начинает восхождение, Иеракс дает сигнал к началу атаки. Разрушители бросаются к горе. Отделения из десяти человек движутся плотным строем, посылая потоки огня. Камни лопаются от попаданий болтов. От густой пыли в ущелье становится темно, как ночью, добавляя прикрытие Ультрадесантникам.

Железные Воины яростно отвечают. Лазерные лучи и снаряды автопушек танков пронзают клубы пыли, взрывая склон, уничтожая укрытие, насыщая воздух шрапнелью из камней, керамики и костей.

Иераксу не нужно укрытие. Такого здесь просто нет. Он ведет отделение резкими рывками то влево, то вправо. Он знает, что разрушители не смогут добраться до танков. Очень скоро подъем станет слишком крутым, и Ультрадесантники станут медленными беспомощными целями, открытыми для вражеских орудий.

«Они стараются помешать нам, - думает капитан. - Теперь мы помешаем им смотреть туда, куда им

следует».

Он взбирается выше, прижимаясь к крутому склону, окруженный гремящим хаосом взрывов. Мир темен, удушающее облако пронизывают лучи лазерных пушек. Если сам капитан почти ничего не видит, значит и Железные Воины, а предатели отмечают свои позиции дульными вспышками. Дым и пыль так густы, что Иеракс не видит Анталкида. И темнота дает ему надежду на успех дредноута. Он не нарушает вокстишины, но верит в неукротимость древнего воина.

Разрушители продолжают подниматься, дисциплинированная масса смерти приближается к своей цели, словно в самом деле может сбросить Железных Воинов с горного склона. Затем правый фланг Ультрадесантников накрывает новая волна огня. Силы Механикума близко, теперь они в радиусе стрельбы прямой наводкой. Сверху и сбоку ураган берет разрушителей в тиски.

Железные Воины стремительно отступают по коридорам «Барбикана» к центру станции. Первый порыв – преследовать их. Тело Аквилы реагирует на этот импульс, а вместе с ним и его отделение. Но инстинкт не управляет капитаном. Его лозунг – благоразумие, и оно распознает в неожиданном отступлении Железных Воинов аномалию.

- Назад! – кричит Аквила как раз вовремя. Ультрадесантники один за другим разворачиваются, и мгновения спустя по всему залу, его стенам, полу и потолку гремят взрывы. Затем палуба падает, и под полом открываются нижние уровни. Тысячи тонн металла падают друг на друга. Часть космической станции сминается в саму себя, как плотно сжатый кулак. Аквила и его отделение отползают от рушающихся стен.

- Найди нам другой путь, – приказывает Аквила.

Легионер Васкас вызывает на инфопланшете план «Барбикана».

- Если мы вернемся к последнему перекрестку и поднимемся на три уровня, то сможем обойти это обрушение. Так будет немного медленнее.

Аквила кивает и связывается с Тарием, который возглавляет другой отряд Ультрадесантников. Экипажи абордажных торпед удалось собрать в две группы, и они сработали быстро, хотя Аквила хочет, чтобы они действовали еще быстрее. Он сообщает сержанту о позиции и цели его отделения.

- Они и нас заблокировали, – докладывает Тарий, – но у нас есть маршрут к вашему альтернативному перекрестку.

- Тогда увидимся там, – говорит Аквила.

- Тактика врага безрезультатна, – замечает Васкас. – Они не смогут заблокировать каждый путь на мостик, не сделав станцию бесполезной для себя.

- Я не думаю, что они смогли бы, даже если захотели, – отвечает Аквила. – Им не хватает солдат. Сколько Железных Воинов ты видел?

- Двоих, – говорит Васкас.

Аквила снова связывается с Тарием.

- Ты можешь оценить численность предателей?

- Не наверняка, но мы видели только троих.

«Возможно, - гадают Аквила, - что у Железных Воинов на станции всего одно отделение?»

- Это тактика сдерживания. Все, что происходит здесь. Сколько входов на мостик?

- Один, - отвечает Васкас.

Много маршрутов к мостику, но только одни двери.

- Это беспокоящая тактика, - объясняет Аквила. - Предатели займут позиции на мостике.

Аквила пытался избежать основных путей, ведущих к мостику. Самый прямой путь вел по коридорам, которые обрушились. Железные Воины предвидели его действия. Теперь маршрут, намеченный Васкасом, поведет роту через главные переходы космической станции.

- Будь готов к очередной блокировке, - говорит Аквила Васкасу. - Убедись, что у нас есть достаточно альтернатив. Возможно, нам придется быстро их выбирать.

Он гадает, сколько у изменников есть подрывных зарядов и сколько урона они на самом деле могут нанести огромной станции.

Следуя указаниям Васкаса, Аквила ведет отделения на три уровня выше к одному из главных пересечений сети коридоров «Барбикана», где они встречают Тария. Рота Ультрадесантников перестраивается в большом зале, чьи стены и потолок выложены обсидианом. Инкрустация из золота и бриллиантов изображает постоянно расширяющиеся пределы Империи. Миры соединены с мирами, системы - с системами. В каждой системе сверкающие россыпи бриллиантов образуют значки стоящих на страже космических станций. Лучи их могущества простираются из их систем и соединяются с линиями из других систем. Таким образом, созданы нерушимые узы могущества Империи. Эти картины тянутся по стенам и сводчатому потолку. Инкрустации демонстрируют мощь, деликатный, но нерушимый узор, утопленный в полотно из грубой силы.

На взгляд Аквилы все это отдает горькой иронией.

Ультрадесантники бегут через зал, направляясь к центру станции. Ожидания Аквилы сбываются, когда следующее пересечение заблокировано новыми разрушениями. И их устроили не только что. Железные Воины предполагали, что станцию возьмут на abordаж, и заранее приняли меры предосторожности. Тем не менее, Васкас прав. Они не заблокировали каждый проход. Появляется новый обходной путь. Он вынуждает Ультрадесантников следовать вокруг почти четверти станции, прежде чем снова направиться к ее центру. Грохоча по мраморным плитам палубы, Аквила начинает видеть в золотых линиях стен насмешку петляющего маршрута, которым Железные Воины принуждают его следовать.

- Эти задержки - трусость, - говорит Васкас.

- Они - часть стратегии, при помощи которой Железные Воины надеются одолеть нас.

«И они побеждают», - думает капитан. У него нет выбора, кроме как следовать обходным путем. Попытка пробиться через переборки к мостику займет еще больше времени. Васкас правильно делает, находя наиболее подходящие из возможных путей. Но Аквила все равно чувствует, как уходит время.

«Одно отделение», - думает он. Он все больше и больше убеждается в правильности этого предположения. Одно отделение доставляет ему столько проблем, а ведь Железные Воины еще не

сошлись с ними в ближнем бою.

- Мы почти на месте, - сообщает Васкас, снова сверившись с инфопланшетом. - За следующим поворотом лестница. Если она целая, то приведет нас на мостик.

Лестница повреждена, но пригодна. Она представляет монументальное сооружение из мрамора. Высокий и широкий спуск, предназначенный для церемоний. «Барбикан» - символ в той же мере, что и крепость. Символ верности Карчеры Империи и обязательство Империи защищать ее жителей. Со времен приведения к Согласию в ранние годы Великого крестового похода война не приходила в эту систему. До этого самого момента. Железные Воины изуродовали величественную лестницу упавшим палубным настилом и разбитыми камнями с высокого потолка. На ступенях лежали золотые статуи Императора и его примархов, сваленные с пьедесталов по обеим сторонам лестницы. Аквила отмечает, что гнев IV легиона поразил как лоялистов, так и предателей. Только зловещая фигура Пертурабо все еще стоит, глядя бесстрастно на разбитых братьев.

- Ярость падших, - бормочет Аквила.

Лестница спускается на три палубы ниже и заканчивается широким арочным проходом к мостику. Двери закрыты, а перед ними большие груды обломков. Железные Воины опрокинули колонны, поддерживающие своды огромного зала. Они создали грозную баррикаду с единственной узкой щелью, через которую мог пройти всего один космодесантник. Предателей не видно.

- Приглашение к самоубийству, - говорит Васкас.

- Отвергнутое, - отвечает Аквила. - Мы не принимаем предложенное ими поле битвы.

Он связывается со всей ротой.

- Братья, давайте уничтожим это оскорбление. Сержанты, построение «стена».

Ультрадесантники спускаются по лестницу безжалостной машиной. Каждое отделение выстраивается в шеренгу на ступенях, одно за другим, с Аквилей во главе. Перед капитаном треть пути вниз, баррикада открыта для стрельбы всей ротой. Ультрадесантники маршируют в ногу, с железной сплоченностью дисциплины и мастерства. Они - коллективная сущность войны, единая безупречная воля неистовства. Болтерные снаряды бьют в баррикаду с такой могучей одновременностью, что уподобляются силовому кулаку невидимого титана. Большой зал наполняется ураганом раскошенного металла и камня. Ракеты врезаются в брешь в баррикаде, заливая ее огнем. В этом узком пространстве взрывы превращаются в чудовищное пекло. Другие ракеты колотят двери мостика страшными таранами. Они воплощают удары правосудия, требуя прохода и расплаты.

Ультрадесантники на середине лестницы, а ответного огня все нет. Пройдено две трети пути, и баррикада превращается в рассыпающийся разбитый остов. Когда Аквила ступает на пол огромного зала, перед ним только огонь и пыль. В вихре светятся расплавленные металлические балки. Аквила активирует фильтры автолинз, пока не различает более холодные очертания входа на мостик за пределами обстрела своей роты. По эту сторону дверей нет тепловых сигнатур живых существ.

Битва за станцию - это игра маневров и контрманевров, многие из них выполняются до первого выстрела. Окруженный бурей Аквила оценивает следы и устанавливает предпринятые врагом меры. Он более чем когда-либо уверен, что Железных Воинов и в самом деле всего одно отделение. Такие небольшие силы должны избегать открытого боя с его ротой как можно дольше, а их победа оценивается украденным у Ультрадесантников временем.

До этого момента Аквила расценивает борьбу на борту «Барбикана», как победу IV легиона. Но теперь Железным Воинам никуда бежать. Они только могут оттянуть считанные минуты. Тем не менее, их мастерство в осадной войне послужило им. Они заманили Ультрадесантников в систематическое бессмысленное разрушение.

Мостик открыт. Аквила видит второе приглашение, поэтому не приказывает прикратить огонь. Переборки на станции толстые, и хотя Ультрадесантники превратили двери в расплавленный шлак, они не могут пробиться через сами стены. Не потратив на это еще больше времени.

Дверной проем широк, но одно отделение на удобной позиции все еще может нанести серьезный урон воинам, пытающимся пересечь порог.

Выбор у Аквилы невелик. Он все еще может сделать, что в его силах. Из укрытий внутри мостика Железные Воины, должно быть, полагают себя защищенными от сюрпризов. У них нет причины считать иначе. И Аквила даст им ее.

- Продолжать огонь, - передает он роте. - По моему сигналу создать брешь к входу на мостик. Поддерживать прикрывающий огонь над нашими головами.

Приказы приняты. Сигнал дан. Эшелонированная атака такая же выверенная и неудержимая, как при спуске по лестнице. Над головой бегущего к входу Аквилы гремит опустошительный ураган. Васкас и отделение следуют за капитаном, а легионер Беррик с огнеметом рядом. Он выпускает струю пылающего прометия через проем. На пороге Аквила с Берриком расходятся, поливая болтами и выжигая темноту по обе стороны двери. Следом врывается остальное отделение, и Ультрадесантники ведут прикрывающий огонь на сто восемьдесят градусов.

Железные Воины, наконец, атакуют. Они открыли огонь сразу же, как Аквила ворвался на мостик. Он продолжает двигаться, выбирая цели по дульным вспышкам в задымленном полумраке. Болты стучат по груди и плечам, удары почти разворачивают его. Он не останавливается и бежит к центру мостика, и по мере того как все больше и больше воинов его роты врываются внутрь, некоторые из изменников выбирают себе другие цели.

На полу лежат гражданские. Они вопят от страха, их крики неслышны в ярости битвы. Аквиле жаль их, но все, что он может сделать для них - закончить этот бой как можно быстрее.

Он по вспышкам насчитывает девять стрелков. Значит, он прав - всего отделение. Через десять секунд после того, как он с Берриком пересек порог мостика, их остается семь. Их шесть, когда вся рота проникает в огромный мостик, и эти шестеро стараются изо всех сил, чтобы их выстрелы не проходили даром. Сержант Гальвий попадает под перекрестный огонь, его шлем и череп взрываются. Легионеру Нервиксу в грудь попадают дюжина болтов, раскалывая броню и кости и превращая внутренние органы в дымку.

Но дульных вспышек уже пять. А теперь четыре.

«Но почему девять?» - приходит в голову Аквиле мысль. Он уже в глубине мостика. Его окружают рабочие станции и ряды когитаторов. Сервиторы превращаются в корчащиеся факелы, а сам мостик охвачен хаосом из пламени, дыма и летящих обломков. Мостик огромен, и сложно разглядеть что-то дальше нескольких метров. Аквила отслеживает вспышки вражеских болтеров и наводит свое оружие на их меняющиеся позиции, но хотя ход боя склоняется против Железных Воинов, как и должно быть, капитана не отпускает беспокойство.

- Почему девять? - произносит он вслух.

- Капитан? - обращается Васкас за его спиной, стреляя в противоположном направлении.

- Здесь должно быть десять изменников. Мы видим только девять. И среди них нет офицера.

Аквила не верит, что его могло убить удачное торпедное попадание. Станция не получила серьезных повреждений перед абордажем Ультрадесантников.

- Где их командир?

Отсутствующий враг усиливает тревогу, которая растет на задворках разума Аквилы. Он гадает, действительно ли возможно, что Железные Воины удовлетворятся одной лишь затяжкой времени. Это так мало для легиона, которого снедает великая горечь уязвленной гордыни.

Что-то еще происходит.

Аквила осматривает поле битвы, пытаясь всмотреться сквозь ревущее безумие, клубящийся дым, обжигающие вспышки электрического огня. Если десятый Железный Воин прячется, значит Аквила должен найти его.

Он находит. На дальней стороне от входа царит тишина. Только там нет предателей. Бой кипит вдоль линий, которые разрезают перпендикулярно вход. На другой стороне мостика никого нет. Там ничего не вспыхивает. Ничего не происходит. Это пятно насыщенной темноты, неосвещенной стрельбой и скрытой дымом.

Эта часть мостика все еще функционирует.

Аквила бросается сквозь дым к темному участку. И вражеский огонь тут же концентрируется на нем. Его отделение открывает прикрывающий огонь. Дым перед капитаном рассеивается, и он видит десятого Железного Воина. Это капитан, его доспех отмечен шрамами бесчисленных сражений. Он замер, не обращая внимания на бой на мостике. Оружие войны, которое все еще не задействовано. Он стоит у пульта управления. За ним работает пара рыдающих смертных. Предатель готов к вмешательству, и в тот же миг, как Аквила замечает их, у его ног падает крак-граната. Взрыв отбрасывает Ультрадесантника вправо. Он тяжело приземляется, оглушенный взрывом, осколки усеивают трещинами его доспех.

Железный Воин пользуется преимуществом и наводит болтер на Аквилу. Снаряды пробивают дыру в левом боку доспеха. Ультрадесантник перекачивается, оставляя кровавый след и чувствуя, как что-то лопаются внутри тела. Он заползает за руины рабочей станции, болты предателя преследуют его. Железный Воин яростно атакует, защищая работу, которой заняты смертные. И поэтому для Аквилы становится крайне важным остановить их.

Несколько мгновений спустя он догадывается, что делают смертные. Вся станция содрогается, а за иллюминаторами мостика вспыхивает чудовищный свет.

Оборонительные платформы разворачивают свои лазерные батареи на «Барбикан».

«Выкованный войной» ждет на низкой орбите, ауспик-установки отслеживают приближение флота Ультрадесанта.

- Скоро нам придется покинуть эту позицию, - говорит Навгар.

- Скоро, - повторяет Вуртак. - Но не сейчас. Если мы хотим увидеть смерть армады, то должны немного подождать. Это зрелище достойно ожидания, не считаешь? Это достойный поступок, разве нет? - Вуртак улыбается, уже наслаждаясь кровавым вкусом триумфа. Хроссус подготовил поле битвы в системе Карчера и отдал этот участок сражения Вуртаку. Каждая деталь этой атаки подготовлена, от точной позиции ожидания над Химерой до возможности ускорения «Выкованного войной». Вуртаку выпадет возможность задействовать план Хроссуса и насладиться победой.

Остается всего несколько минут.

Вуртак делает вдох и собирается отдать приказ уничтожить армаду.

«Блистательная нова» собирается пересечь северный полюс Химеры.

- Враг по-прежнему не двигается, - докладывают с ауспика.

Корвон хмурится.

- Это неправильно, - говорит он.

- Оставаться там для них самоубийство, - замечает офицер. - Они должны понимать, что не смогут скрыться и что мы собираемся сделать.

Корвон смотрит на мертвый мир внизу, его полусфера заполняет нижнюю половину иллюминатора.

«Они должны понимать, - думает он. Слово звучат, как предупреждение. - Они должны понимать».

Приходит понимание. Зачем одному кораблю ждать на низкой орбите приближение флота? В какой ситуации важно заманить флот на нижнюю орбиту. От ужаса стынет кровь в венах.

- Они именно этого хотят! - выкрикивает он. - Всем кораблям, покинуть орбиту, максимальное ускорение! Выполнять!

В тот же миг приходит сообщение, что враг трогается с места. Корвон чувствует, как на шее смыкаются челюсти капкана.

Когда «Грозовые птицы» высаживают две роты Ультрадесантников на равнинах, ведущих к чудовищному оборонительному лазеру, Гиллиман чувствует, как кампания выходит из-под контроля. Перед посадкой он ловит только короткие, спутанные обрывки вокс-передач. Они дают частичные, разочаровывающие куски большой картины битвы, от которой он вынужден отвлекаться. Они говорят ему мало, за исключением неожиданной спешки во флоте и тревоги от флотилии, отправленной к «Барбикану».

Происходит внезапный и радикальный разворот волны. Отбойные течения грозят украсть у примарха больше времени.

Коллективный рев танковых двигателей - это фанфары грома, боевой клич, предупреждающий о том, что к врагам Императора идет расплата. Гиллиман взбирается на крышу «Пламени Иллириума». Этот «Лэндрейдер» - его мобильный командный центр и будет ведущей машиной, а примарх - воплощением возмездия, которое увидит и устрасит враг.

- Они определенно узнают о нашем прибытии, - говорит стоявший рядом с «Пламенем» Прейтон.

Гиллиман видит достоинство в этом факте.

- Да, - соглашается он. - Пусть знают. Включить боевые горны! - приказывает он ротам. - Открыть огонь! Мы сообщим о нашем прибытии.

Затем обращается к Прейтону: - Мы заставим отреагировать на нас до нашего прибытия.

«Все, что может ослабить давление на Иракса», - думает Гиллиман.

С ревом боевых горнов начинается атака. Хотя враг за горизонтом, далеко за пределами ведения огня, орудия стреляют, и гром Гиллимана рвет твердую почву Карчеры. Звук оглушающий и вызывающий. Стоящий на люке «Лэндрейдера» Гиллиман наклоняется под порывом ветра, терзаемый пониманием, что атакует на трех фронтах и запускает три ловушки.

6

Последние песчинки

Звук доносится до Хроссуса через горы и ущелье. Это неожиданная волна, новый накат прилива. Он пронизывает шум битвы, и кузнец войны слышит далекий грохот других орудий и огромных горнов.

Звук - вестник конца. Это первый настоящий признак приближения неотвратимого. Хроссусу остается только попытаться задержать его еще ненадолго.

Эти мысли проносятся в его голове, перед тем как магос доминус Риссин связывается с ним. Хроссусу едва ли нужно знать подробности угрозы.

- Две роты Ультрадесанта приближаются к орбитальному орудью, - сообщает Риссин.

- Как далеко они? - спрашивает Хроссус.

- Достаточно далеко. Если мы отведем наши силы из ущелья, то они успеют усилить нашу оборону.

- Сколько времени вы сможете держаться?

Раздается дребезжащий визг бинарного кода.

- Оценка затруднена.

Хотя в ее голосе отсутствуют эмоции, слова передают разочарование.

- Мы зависим от неприемлемого числа переменных. Мы предполагаем на порядок больше, чем возможно без всех наших сил.

«Вихрь» рядом с Хроссусом выпускает очередной залп ракет. Град разрывов обрушивается на Ультрадесантников, пытающихся взобраться по склону к танковым позициям. Легионеры Хроссуса в эшелонированном порядке позади него и под командованием сержанта Зеннека ставят сплошную стену огня у выхода из ущелья.

- Что вы предлагаете, кузнец войны? – спрашивает Риссин.

Хроссус размышляет над выбором. С силами Механикума, атакующими с тыла Ультрадесантников, Железные Воины могут блокировать ущелье еще какое-то время. Вопрос в том, какая задержка лучше. И решение ясно.

- Мы должны удерживать оружие как можно дольше, – говорит кузнец войны. – Без него мы не сможем удерживать их корабли на расстоянии.

Раздается очередной скрип бинарика.

- Вопрос: вы ожидаете бомбардировку Сидерия Тринадцатым легионом с орбиты? Вызванные этим жертвы среди гражданских будут отклонением от норм Ультрадесанта.

- Будет, – соглашается Хроссус. – Но Ультрадесантники – не Саламандры. Гиллиман руководствуется логикой. Он может решить, что смерти гражданских лиц здесь будут уравновешены гораздо большим числом спасенных на Terre.

Кузнец войны не уверен, что кровь Гиллимана достаточно холодна для такого выбора. Он слышал, Гиллимана называли «человеческим когитатором». Но он знает, что примарх Ультрадесанта не настолько холоден. Пертурабо не стал бы колебаться. Как не колебался, принося в жертву роту Хроссуса. Кузнец войны полагает, что Гиллиман достаточно сентиментален, чтобы попытаться спасти всех. В чем Хроссус не уверен, так это в том, сколько нужно давить на Гиллимана, прежде чем тот решит, что не сможет спасти всех. Учитывая ставки, такое вполне могло случиться. Возможно, победа или поражение сведется к вопросу считанных минут, поэтому Хроссус должен отнять каждую возможную минуту.

- Отведите свои силы и защищайте оружие, – говорит он Риссин. – Мы сделаем то же в Сидерие.

Благодаря узкому ущелью и размещению танков Железные Воины уверенно держатся против разрушителей. Оборонительные позиции почти выравняли соотношение сил двух легионов. Несмотря на неполный состав, рота Хроссуса свела на нет мощь разрушителей. Чего не понимает кузнец войны, так это почему Ультрадесантники пытаются захватить восточную часть скал. Склон слишком крутой. В атаке нет смысла, но каким-то образом он есть. Облака пыли и дыма многое скрывают от Хроссуса, и он понимает, что некоторых действий Ультрадесантников он не видит. И это тревожит его.

Хроссус верил, что достиг состояния идеального фатализма. Но сейчас, к своему стыду, он вынужден признать, что это не так. Похоже, он заразился заблуждениями Вуртака. Его долг – сражаться, как будто он мог выиграть. В такой войне верить в это – слабость. Тем не менее, несмотря на всю имеющуюся у него информацию, мысль, что он что-то просмотрел, что совершил ошибку, которая может привести к поражению, по-прежнему снедает его, словно рак.

Анталкид поднимается по обвалу, держась как можно ближе к скальной стене. Он вынужден обходить крупные валуны, вместо того, чтобы взрывать их, и это задерживает его, но ярость битвы на склонах впереди и внизу скрывает его подъем. Реагируя на ситуацию, в сознании Анталкида проносится проблеск эмоций. Хотя его сосредоточенность на задании непоколебима, он ощущает нечто похожее на мрачное веселье. До своего заключения в этот саркофаг войны, задолго до воссоединения XIII легиона со своим примархом, он был воином безжалостной атаки. Он всегда шел впереди, был копьем, пронзающим сердце врага. После гибели тела, застрявшего под пылающим остовом «Носорога», и

перерождения в качестве дредноута, он стал квинтэссенцией своей сущности, больше не копье, но таран, чистое разрушение, выкованное ради одной цели – идти в бой во имя Мстящего Сына.

И теперь таран крадется незаметно.

Условия на поле битвы резко меняются. Огонь Механикума, терзающий разрушителей, прекращается. Избавившись от их обстрела, рота устремляется вверх с еще большей свирепостью. Анталкид заставляет себя идти быстрее. Его братья покупают ему эту возможность ценой своих жизней. Этой платы достаточно. «*Больше ни один*», – думает дредноут.

- Больше ни один, – рычит голос из вокс-передатчиков.

Он поворачивается за угол скалы и перед ним оказывается укрепленная позиция. Там два «Хищника» и отделение предателей. Сейчас они увидят его, так пусть увидят, как следует.

- БОЛЬШЕ НИ ОДИН, – ревет Анталкид.

Пусть услышат, как следует. Пусть испугаются. И пусть умрут.

В этот день вооружение Анталкида как всегда ужасно. Он стал оружием, которое большинство воинов XIII легиона предпочли бы запретить. Он не стал бы возражать. Это варварский вид боеприпасов. Разрушители – тень, отброшенная огнем Ультрадесантников. Если Гиллиман стал более склонным выпускать разрушителей на врагов Императора, то делает это осмотрительно. Однако против определенных врагов в определенных битвах варварское оружие не более чем справедливость.

Руки Анталкида заменяют два орудия. Одно выпускает жуткий фосфекс. Его снаряды рвутся среди Железных Воинов, и в мир врывается всепожирающее зеленое море. Другие снаряды несут радиационную начинку. Они врезаются в бортовую броню «Хищников». Плиты слишком толстые, и взрывы оставляют только вмятины, но их защита недостаточна против радиации. Она пронзает танки, доспехи находящихся внутри людей, сжигая плоть и разжижая органы. Фосфекс – это чудовищный восторг, зрелище боли, цвет самой жизни, обращенной в самое жуткой разъедание. Радиационные взрывы – носители невидимой смерти. Но они не менее болезненны, не менее ужасны, не менее мучительны. Там, где сегодня сражается Анталкид, ничто не сможет жить целые века.

Дредноут идет вперед, его орудия безжалостны в своей канонаде. Более, чем когда-либо прежде, он – ходячая смерть. Легионеры перед ним были когда-то братьями его легиону. За преступление измены они заслуживают жестокости. Он обрушивается на них подобно самой ярости, но Железных Воинов больше, а «Хищники» сильнее него.

Анталкида накрывает ответный огонь. Болтерные снаряды приносят мало вреда его броне, но в левую ногу попадает ракета. Дредноут не чувствует боль в механической конечности, но нога больше не слушается его воли должным образом. Она волочится по земле.

Укрытия нет. Как и отступления. Есть только движение вперед и возмездие, которое несет он. С ревом боевого горна Анталкид сближается, окутывая Железных Воинов бурей разжижающей агонии.

«Хищники» отвечают медленно. Анталкид представляет муку их экипажей, настолько разрушающе она воздействует на реакции даже Легионес Астартес. Но вот они стреляют. Снаряды автопушек и лазерные лучи попадают в Анталкида, оставляя вмятины и плавя броню его саркофага. Энергия рвется наружу и проникает внутрь. Боевая машина и иссохшая плоть внутри нее бьются в конвульсиях. Анталкид теряет ощущение внешнего мира. Он держится за свой долг и то последнее, что должен сделать – наступать и

стрелять. Всегда наступать и стрелять.

Он осиливает еще несколько шагов, и танковые снаряды снова попадают в него. Он останавливается. Он больше не может двигать руками, но все еще может стрелять. Хотя мир блекнет быстрее, он замечает, что болтеры замолчали, а крики стихли. Один из танков также замер. Остается только один. Возможно, в нем только один канонир.

Орудие стреляет. Анталкид отвечает. Два воина крушат друг друга изнутри своих гробниц.

Наступает тишина и окончательная темнота. Анталкид, наконец, может закончить с необходимым варвством. Он принимает последний сон и конец бесчинствам.

Позицию Железных Воинов над Ультрадесантом накрывает внезапный нестихающий шквал огня. Хроссус видит пламя, вспышки лазера и характерный для фосфеса зеленый оттенок дыма, который окутывает скалу. Затем наступает тишина. Танки на западной части ущелья продолжают обстреливать врага, но отход Механикума, а теперь и отсутствие половины его тяжелой бронетехники меняет ход боя. Дым начинает редеть, и Хроссус видит разрушителей более отчетливо. В своей черной броне, на которой только один из наплечников – синий, они выделяются во мраке темной, дисциплинированной массой. И они разом поворачивают на север, атакуя последнее препятствие, блокирующее ущелье. Они движутся через взрывы снарядов автопушек и болтеров, неся потери. И, тем не менее, их слишком много, чтобы оставшиеся орудия Железных Воинов могли их остановить.

При всех их потерях они превосходят легионеров Хроссуса, в лучшем случае, трое к одному.

Оценив поле боя, а значит и мысли кузнеца войны, к нему обращается сержант Зеннек:

- Мы можем удерживать их еще немного.

- Этого недостаточно.

То сопротивление, которое они еще могут оказать на этой позиции, закончится быстрым истреблением.

- Легионеры, - обращается по воксу Хроссус, - отходим. Направляемся к редуту.

Сообщение звучит иронично. Каждый боевой брат понимает правду.

- Значит, для нас наступает развязка? - обращается Зеннек.

- Как и для них, - обещает Хроссус.

Первые выстрелы с оборонительных платформ попадают в «Барбикан». Они – факелы, что воспламеняют погребальный костер Даруга, и он лично зажигает их. Вуртак может мечтать о победе, потому что он может пережить свою часть кампании. Однако, смерть на космической станции – неизменный конец для Даруга. Выбрать такой момент и, умирая, забрать с собой целую роту Ультрадесанта – такая перспектива не вызовет у него недовольства.

Смертные, выполняющие расчеты данных для стрельбы оборонительных платформ, в ужасе рыдают, когда начинаются попадания. У них семьи в Сидерие, и они добровольно отдают свои жизни ради иллюзии, что их любимые могут увидеть следующий рассвет.

Лазерный огонь оборонительных платформ свиреп. Он рассчитан на уничтожение кораблей. Но «Барбикан» спроектирован выдерживать его. И станция сопротивляется. Ее пустотные щиты могучи, а броня – многометровой толщины. Но, в конечном итоге, она не может выдерживать объединенный обстрел неограниченное время.

Капитан Ультрадесанта скрылся за останками рабочей станции. Даруг ищет его в дыму, поливая участок болтерным огнем. Его авточувства показывают позиции выживших братьев. Последние из этих рун тускнеют с красного цвета до черного. Через несколько мгновений он останется последним Железным Воином, сопротивляющимся целой роте. Это тоже не вызывает у него недовольства.

Отделение капитана скоро доберется до него. Значит, времени больше нет. Даруг не чувствует печали и сожаления. Он сделал то, что должен был.

Станция содрогается снова и снова. Лазерные лучи проникают внутрь. Взрывы сотрясают палубы. Пожары расширяются. Разрушение «Барбикана» идет полным ходом.

- Ваша задача выполнена, – обращается Даруг к смертным. Он наводит болтер на них и пульта управления. Нажимает спусковой крючок, что предрешит судьбу каждого живого существа на борту космической станции.

Он нажимает, но снаряды летят мимо. Взрыв осколочной гранаты отбрасывает его в сторону. Смертные и пульта целы. Граната, брошенная с чертовой точностью Ультрадесантников, превращает его из убийцы смертных в их щит, так как тело принимает на себя взрыв.

Капитан Ультрадесантников сумел обойти Железного Воина в дыму со скоростью, противоречащей его ранам. Он прыгает на Даруга и сталкивается с ним, вцепившись в его болтер. Даруг отпускает оружие одной рукой и хватает гладий с пояса. Он колет Ультрадесантника в горжет. Тот предвидит его движение и блокирует клинок Даруга своим.

Возникает тупиковая ситуация. Каждый легионер одной рукой держится за болтер, в то время как их клинки пилят друг друга.

Даруг узнает эполеты противника.

- Аквила, – сквозь зубы обращается он. Однажды они сражались бок о бок против Хаартакского триумvirата. – Хорошо, что присоединился ко мне в этом самопожертвовании.

- Сегодня не будет никакого самопожертвования, – рычит Аквила.

Лазерный выстрел попадает в цель. Огромный кулак сотрясает «Барбикан». Раны Аквилы дают о себе знать, и одно колено подгибается.

- Эта станция – мой погребальный костер, а значит и твой тоже, – говорит Даруг. Резким рывком он выдергивает болтер из хватки Аквилы. Отступает на шаг и разворачивает ствол на капитана. Аквила ныряет под очередь и болезненным рыком подпрыгивает, его правая рука срывает предмет с пояса и бьет им в лицо Даругу, прикрепив к его шлему.

Предмет прямо перед глазами Железного Воина. Он отшатывается. Хватает его. Пальцы узнают форму мелта-заряда.

- Вот оно что, – говорит Даруг и горько смеется. Он оценивает черный юмор свой судьбы. Затем с ослепительно-белой вспышкой боли он получает свой погребальный костер.

Аквила отворачивается от расплавленных останков Даруга. «Барбикан» снова содрогается. Битва окончена, Железные Воины мертвы, но мостик наполняется новым дымом. Орбитальные оборонительные платформы продолжают стрелять, злоба Даруга дотягивается из могилы.

- Остановите обстрел, - приказывает Аквила смертным.

Они стоят неподвижно, парализованные страхом. Схватка гигантов лишила их способности думать о себе. Когда внутренние взрывы множатся по станции, Аквила понимает, что они находятся в поворотном моменте «Барбикана», если уже не прошли его.

Смертные приходят в себя.

- Да, лорд, - отвечают они и берутся за пульта управления с решимостью, превосходящей панику. Наконец, им дали разумный приказ.

Пока два человека работают, пустота вспыхивает раз, два, три. «Барбикан» стонет, словно зверь, чувствующий приближение своего последнего вдоха. Затем убийственный свет гаснет. Пустота темна. Вторичные взрывы сотрясают залы космической станции. Зверь кричит из-за своих ран, но он еще жив.

- «Алалия», - вызывает Аквила ударный крейсер. - Мы захватили цель. Подойдите для начала нашей эвакуации.

Работа на Химере была первым предпринятым заданием великой кампании. Железные Воины разместили циклонные торпеды глубоко в шахтах маленькой планеты. На них установили дистанционные детонаторы, срабатываемые по сигналу с «Выкованного войной». У задачи Вуртака тот же принцип, что и у выпавших на долю Хроссуса и Даруга. Его цель - нанести сильный урон врагу небольшими силами. Но кузнец войны и второй капитан используют пехоту и тяжелую бронетехнику и сражаются отдельными ротами. У Вуртака ударный крейсер. Он атакует целый флот.

В его миссии есть нечто, столько редко ощущаемое Железными Воинами, что Вуртак сначала не понял, что это такое. Симптомы - учащенный пульс, едва сдерживаемое желание яростно ухмыляться и ощущение самоуверенности и огромной силы. После установки последней из циклонных торпед, незадолго до прибытия Ультрадесанта в систему Карчера, Вуртак, наконец, распознал симптомы.

Слава. Он ощущал славу.

А с ней и намек на столь же редкое для IV легиона чувство.

Надежда.

Вуртак не думает, что Хроссус разделяет ее. И точно уверен на счет Даруга. С учетом того, что должен сделать Даруг - самосожжение, как неминуемое завершение его битвы - Вуртак не винит боевого брата в том, что тот придерживается идеального фатализма. Может, он отчасти присутствует и в Хроссусе. Но Вуртак смотрит дальше этого задания. Дальше этой кампании. Он видит последствия своего удара и возможности, которые они представляют.

Накануне битвы, когда «Выкованный войной» готовился покинуть орбиту Карчеры, Вуртак отвел Хроссуса в сторону, прежде чем тот отбыл на поверхность планеты к ожидающей его судьбе.

- Я не думаю, что истории нашей роты нужно заканчиваться здесь, - сказал тогда Вуртак.

Хроссус нахмурился. Суровое, покрытое шрамами лицо выражало эмоции только самым жутким образом. Он был ранен так много раз, а его раны заживали так быстро, что лицо походило на камень, вытесанный злыми ударами топора.

- Единственный способ, которым для меня все закончится иначе - это не подчиниться нашим приказам и оставить Карчеру Ультрадесанту. В этом случае мы умрем очень быстро и позорно. Однако, я знаю, что ты не это имеешь в виду, капитан.

- Верно, - подтвердил Вуртак. - Ты *знаешь*, что я не это имею в виду.

Его удивляло, что Хроссус, с его глубоким пониманием театра боевых действий, будь то пустота или планета, не видел этого шанса.

- Подумай, что произойдет, когда мы уничтожим Химеру. Если даже некоторые из кораблей Ультрадесантников переживут, маловероятно, что они будут в должном для погони состоянии, а мы уже будем в пути. Мы можем сделать это и выжить.

Хроссус пожал плечами. Объяснение Вуртака вызвало в нем больше скуку, чем волнение.

- Тогда сделай это, капитан, - сказал он. - Уничтожь флот Тринадцатого легиона и выживи.

- Сделаю, - бормочет Вуртак, вспоминая тот разговор.

- Капитан, - обращается ауспик-офицер «Выкованного войной». - Показания противника. Корабли отходят от Химеры.

- Сколько кораблей? - Возможно, они проводят маневры, чтобы окружить его.

- Все, что мы обнаружили, - докладывает офицер. - Похоже, весь их флот.

«Нет», - думает Вуртак. Ультрадесантники не могли догадаться, что ждет их, но ведут себя именно так. Выругавшись, он отдает приказ:

- Взрывай.

- Мы не на подтвержденной безопасной дистанции, - поясняет офицер.

- Думаешь, я это не знаю? Если мы не на ней, значит и они. Взрывай.

Вуртак смотрит на большой пикт-экран над постом ауспик-офицера. На нем шел обратный отсчет до предположительно безопасной дистанции, в той степени, когда любая дистанция может быть безопасной в момент гибели планеты. Гонка «Выкованного войной» всегда была на грани. Это по-прежнему лучше самоубийства, и Вуртак понимает, что его решение верно. Если Ультрадесантники поняли опасность и начали отходить, прежде чем «Выкованный войной» оказался в их прицелах, значит, крейсеру в последнюю очередь стоит находиться на миром-бомбой.

Циклонные торпеды взрываются. Вид через главный окулюс смещается от носа к корме. Вуртак видит, как Химера дрожит. Поверхность идет волной от четырех эпицентров на видимой полусфере. По шару бегут раскаленные трещины, пока планета не начинает напоминать потрескавшуюся мозаику. Затем все взрывается, кулак резко разжимается, выбрасывая ураган астероидов, вылетающих из ослепительного ядра. Гибнущая планета превращается в расширяющуюся сферу камней. Волоча огонь, словно кометы, куски коры мчатся навстречу кораблям. Двигатели «Выкованного войной» работают на пределе,

выжимая максимальную скорость.

Будь крейсер на йоту ближе, шансов избежать столкновения не было бы. На такой дистанции достаточно пространства между кружащимися горами для надежды на спасение. Попытки уклониться бессмысленны. «Выкованный войной» слишком массивен. Его единственная защита – это скорость и щиты.

Не все корабли Ультрадесанта отошли достаточно быстро. В пустоте расцветают яркие вспышки, когда обломки Химеры крушат корабли лоялистов, разбивая их пополам, вскрывая плазменные двигатели, сминая сталкивающимися массивами земли. Вуртак насчитывая четыре отдельных взрыва, четыре неожиданных рассвета в вечной ночи, указывающие на гибель кораблей.

Это все. Всего четыре. Высокая цена, заплаченная врагом одному крейсеру. И вовсе не недостаточная. Когда так много кораблей уцелело.

Мимо «Выкованного войной» проплывают сломанные кости Химеры. Скала размером с жилой блок задевает пустотные щиты корабля и отскакивает. Срабатывают аварийные ревуны, хотя повреждения незначительные.

- Отключите их, - приказывает Вуртак. - Капитан, - обращается он, - держите ход. Меняйте курс для разворота к точке Мандевилля.

Даже отдавая этот приказ, он понимает, что это бесполезно. Ультрадесантники избежали ловушки и не забыли о своей добыче. Корабли, разошедшиеся широким фронтом от Химеры, снова начинают смыкать строй. Сотни орудий нацелились на траекторию Вуртака. Он больше не чувствует искушения ухмыльнуться. Даруг был прав. Хроссус был прав. Все, на что они могли надеяться – нанести урон флоту и замедлить его настолько, чтобы повлиять на ситуацию.

Вуртак видит, как огромная мощь флота Ультрадесанта направляется к нему и чувствует, что ничего не добился. Губы растягиваются в сжатом рыке.

- Отбой, - приказывает он. Не будет ни точки Мандевилля, ни выживания. - Разворачивайтесь.

Сегодня нет славы. Нет надежды, за исключением, возможно, надежды на честь.

- Всем орудиям, беглый огонь, - говорит Вуртак.

Залп Ультрадесантников накрывает «Выкованного войной» в момент разворота. Орудия ударного крейсера открывают огонь, целясь в то, что выглядит в окулюсе как бесконечное море кораблей. Гнев «Выкованного войной» такой же бессмысленный, как и дерзкий.

Лазерные лучи и снаряды уничтожают пустотные щиты крейсера и рвут его корпус.

- Я заставил вас задействовать весь ваш флот против меня, - говорит Вуртак и ловит обрывки славы, когда за ним приходит пламя.

Вокруг оборонительного лазера все кипит от орудийного огня. «Лэндрейдеры» Механикума прибыли вскоре после Ультрадесантников. Орудие защищено пустотным щитом, непроницаемым для огня «Хищников». Теперь танки XIII легиона разворачиваются к ущелью, обстреливая предателей Марса. «Лэндрейдеры» отвечают лазерными и гравитонными орудиями и извергают отделения скитариев. Впереди бронетранспортеров маршируют боевые автоматы «Кастелян». Массивные фигуры быстрее

танков и направляются прямо в боевые порядки бронетехники Ультрадесанта. Легионеры мчатся в контратаку, и вокруг лазера образуется кольцо. Кольцо – водоворот взрывов, крови, дымящихся машин и запаха горящего прометия.

Возвышающееся над полем боя орудие – исключительный опорный пункт. Железные Воины и Механикум рассчитывают удерживать его до последней капли крови. Оно – главная защита Сидерия. Пока оно держится, Гиллиман склоняется к более быстрым, но радикальным действиям.

Управление орудием находится в усиленном подземном бункере. Скалобетонная рампа спускается к его железным дверям. Гиллиман, Прейтон, Город и отделение личной стражи Инвиктарус прорываются через защитников Механикума. Враг смог сконцентрировать силы в узкой точке рампы. Путь преграждают скитарии и автоматы «Кастелян». В сильно аугментированных скитариях едва ли осталось что-то от людей, они сражаются с бесстрашной точностью. Но когда Гиллиман нападает на них, он видит, как их охватывает микродрождь неуверенности. Они сражаются с примархом, и для такой битвы не может быть пригодной подготовки.

Прейтон задействует свою психическую силу. Из его рук струится варп-огонь, пожирая врагов. Когда библиарий косит врагов, его лицо искажает гримаса тревоги.

- Ты сомневаешься в себе, – говорит Гиллиман. Он останавливается возле библиария и делает три быстрых выстрела из Арбитра. Комбиболтер служит ему в качестве пистолета. Трое скитариев падают, из обрубков их шей вырывается дым.

- Я должен, – отвечает Прейтон. – Если я когда-нибудь перестану, больше не доверяйте мне.

Два боевых автомата шагают в ногу к вершине рампы. Их болт-пушки пытаются отследить цели. Один из телохранителей сюзерена умирает, от тела остается только пепел и кровь. Другая машина пытается покончить с Гиллиманом, но он разворачивается быстрее, чем она может прицелиться. Примарх бьет силовой перчаткой Рука Власти ей в бок. Перчатка пробивает броню, а выброс энергии плавит механизмы внутри. Автоматон замирает, гнется влево, затем падает.

Рампа пуста. Двери свободны. Гиллиман делает шаг вниз, затем останавливается, поднимает руку в знак предостережения. Рокрит дрожит от чьих-то огромных шагов за дверью. Инквиктарии поднимают щиты и наводят пистолеты на дверь. Движения настолько точны и синхронизированы, словно они представляют одно целое. Гиллиман наводит Арбитра и становится покрепче.

Двери со скрежетом открываются, и из темноты за ними выходит боевой автоматон «Домитар». Ракеты с визгом вылетают из пусковой установки над головой боевого чудовища. Дистанция минимальна, и взрывы превращают узкое пространство рампы в пекло. Пламя захлестывает щиты переднего ряда инквиктариев, но ракеты ложатся и за ними тоже, и взрывы отбрасывают воинов на стены. «Домитар» шагает в огонь и бьет по Ультрадесантникам двумя гравитонными молотами. Удары выбивают кратеры в стенах и земле. Гиллиман стреляет из Арбитра в грудь монстра и отпрыгивает от летящего кулака. Рука-молот попадает в цель. Масса доспеха и тела примарха обращаются против него, и в него словно врезается метеорит. Гиллиман отлетает сквозь пламя и врезается в стену с такой силой, что застревает в ней.

Гиллиман выбирается, все тело ноет от боли. «Домитар» атакует отделение, и один из инквиктариев получает прямое попадание гравитонного оружия. Это Вильмий, который сопровождал Гиллимана со времен объединения Макрагга. Герой сказаний, хотя он всегда смущенно отворачивался, когда слышал, как его деяния превращали в легенду. От него осталась только слизь из крови и расплывшихся органов,

сочащихся из расплюснутых кусков керамики. Несколько зазубренных осколков, выступающих из останков тела, кусок наплечника с еще видимыми отметками – все, что идентифицирует воина.

«Домитар» снова выпускает ракеты, немного выше по рампе, едва не оказываясь в зоне собственного разрушительного огня, и снова бросается на отделение. Город держится за бок, но болтер все еще в его руке, и командир пытается отвлечь автомата от братьев на себя. Но болтерные снаряды причиняют едва заметный ущерб броне чудовища.

Языки пламени вздымаются выше и сходятся, принимая целостную форму. Они подчиняются воле Прейтона. Он тоже ранен, его доспех обуглен и расколот, одна из ног волочится, пока он идет к скалобетонной стене. Его огненный аватар наступает на автомата, окутывая его на миг, затем устремляется дальше в темноту за дверь. Раздается жуткий звук, визг механизма в человеческой форме, вопль без эмоции или боли, предсмертный крик отказа в древних электрических цепях. Через порог, шатаясь, выходит магос доминус, охваченный противоестественным пламенем. Оператор теряет власть над боевым автоматом. Машина замирает, и Гиллиман пользуется своим шансом.

Примарх бросается на «Домитара», зарядив Руку Власти на максимальную мощность. Автомат поворачивается, медленнее, чем несколькими мгновениями ранее, хотя его боевые программы реагируют на приближение угрозы и требуют ответа. Гравитонный молот устремляется к Гиллиману. Он встречает удар сомкнутым кулаком Руки Власти. Силовая перчатка и кулак автомата сталкиваются. Мир вспыхивает ослепительным серебром. Столкновение сил отбрасывает Гиллимана назад. Он приземляется на ноги и упирается в рампу, справляясь с инерцией. Примарх готов к атаке еще до того, как в глазах проясняется.

Автомат раскачивается вперед и назад, разбитый внутренними повреждениями. Его оружие несравнимо с мощностью, выпущенной силовой перчаткой. Чудовищная энергия Руки Власти обратила гравитонный поток против его источника. Обратный удар разорвал руку, вскрыв металл, словно ветви соломы. Из разбитого торса вытекает дым. Электрические разряды сотрясают гиганта, а затем он падает.

Гиллиман проходит через двери в сопровождении выживших инквизиторов. Прейтон и Город, помогая друг другу, стараются не отставать от Мстящего Сына. Внутри центра управления горстка техноадептов. Презрительно скривив губы, Гиллиман истребляет оставшихся изменников быстрыми очередями Арбитра.

Снаружи бункера кипит битва, но недолго. Исход боя решен.

Нейтрализовав оборонительный лазер, Гиллиман связывается с капитаном «Ультимус Мунди» Нетерцианом. Плохое качество вокса говорит примарху, что ярость варп-шторма неизменна.

- Есть доклады от капитана Иеракса? – спрашивает Гиллиман.

- Некоторое время уже нет, лорд-примарх. По-видимому, в последнем сообщении говорилось, что его рота направляется к Сидерию, но оно было обрывочным.

Это почти хорошие новости. Сидерий – источник варп-возмущения. Не удивительно, что разрушители замолчали, приблизившись к его эпицентру.

Многообещающий знак, хоть и не победа.

- Выведи флотилию к позиции над Сидерием, – приказывает Гиллиман. – Сообщи, когда будешь на месте,

и я дам новые приказы.

Возвращаясь на поверхность, Гиллиман чувствует на себе взгляд Прейтона.

- Ответственность за решение и его цену будет на мне, - говорит он.

Прейтон мрачно кивает.

Город, принесенный в жертву спасению планеты, а, возможно, и Тронного мира. Такое решение Гиллиману не по душе. Вскоре ему придется его принять. Он сделал, что мог, на поверхности планеты. Времени на отправку рот через ущелье на подмогу Иераксу нет. Если капитан не возьмет Сидерий к моменту выхода флотилии на позицию возможной бомбардировки, перспектива неприемлимого жертвоприношения станет неизбежной.

«Покончи с штормом, Иеракс, - думает Гиллиман. - Сделай то, что я знаю, ты можешь. Не позволяй предателям добиться этого триумфа».

Когда Железные Воины отступают, все происходит быстро. Иеракс бросает своих разрушителей в погоню. Легионеры заревели с обещанием возмездия, когда, наконец, освободились от горных завалов и перед ними вырос улей. Отступление изменников было организованным, но быстрым. Хотя они поддерживали оборонительный огонь, казалось, их больше беспокоила скорость.

- Это больше, чем отступление, - сказал Афовос, когда разрушители ворвались в городские ворота, закрыть которые у врага не было времени. - Это бегство.

Бегство. Слово не давало покоя Иераксу оставшуюся часть преследования, пока разрушители следовали за Железными Воинами в глубины подулья и дальше - в шахты. Бегство им несвойственно. Железные Воины не бегут. А эти предатели делают все, что в их силах, чтобы оторваться от Ультрадесантников. Некоторые из коридоров и переходов, по которым бежит рота - заминированы, но ловушки - импровизированные, легко преодолимые и едва задерживают разрушителей.

- Как будто они хотят, чтобы мы гнались за ними, - говорит Иеракс. Ультрадесантники проделали долгий путь. Они глубоко в шахтных туннелях, бегут в широком коридоре мимо брошенного оборудования и меньших ответвлений. До недавнего времени здесь продолжалась работа, и по каменным стенам тянутся тускло-оранжевые светильные полосы.

- Возможно, они уводят нас, - предполагает Клетос, идущий в шаге за капитаном.

Иеракс смотрит на Афовоса, который держит шаг рядом с ним. Библиарий качает головой.

- Мы приближаемся к варп-возмущению. Наша цель впереди нас.

- Они это знают, - бормочет Иеракс. Возможно, они также знают, что любая попытка увести в сторону Ультрадесантников будет тщетной.

«Что же они замышляют?»

Иеракс бежит быстрее. Стук керамитовых сапог тоже растет. Их ритм напоминает непрерывные раскаты грома.

- Теория, - говорит он. - Видимость бегства - ложь. Это прелюдия к следующей атаке. Практика -

перехватить их до того, как они начнут ее.

Туннель изгибается влево, поворачивает вниз, а затем переходит в большой зал. Он огромен, как открытая шахта. Это пещера диаметром более чем в километр и потолком тридцатиметровой высоты. Воздух сперт. Температура постепенно растет, и, несмотря на размеры пещеры, в ней душно. Железные Воины занимают две трети ширины. Теперь на открытом пространстве Иеракс впервые видит их в полном составе. «*Так мало*», - думает он. Эти небольшие силы сдерживают целый легион. Помимо гнева и отчаянного желания закончить битву как можно быстрее он испытывает невольное уважение к такому достижению.

- Там, - Афовос указывает на туннель на обратной стороне пещеры. Хотя по виду он ведет дальше вниз, вход находится на выступе в трех метрах над полом пещеры.

Выступ тянется по всей длине дальней стены. «*Безопасное место*», - догадывается Иеракс и видит ловушку. Он резко останавливается.

- Назад, - приказывает капитан. - В туннель. Нам нужна возвышенная позиция.

Он изучает местность и гадает, где именно находятся смертельные ловушки.

Железные Воины все еще в пещере. И пока не могут активировать западню.

- Не в этот раз, - бормочет Иеракс. Он увидел опасность, и у него узкое окно для действия. - Пол заминирован, - говорит он Афовосу, когда они доходят до выхода из туннеля. - Так или иначе, мы не можем его пересечь.

Взгляд библиария теряет концентрацию. Он смотрит за пределы пещеры, за пределы реальности. Когда он снова поворачивается к Иераксу, на лице читается беспокойство, но и решимость.

- Я все же могу добраться до другого туннеля.

- Только ты?

Афовос кивает.

- Здесь присутствует высокая концентрация варп-энергии, и она нестабильна. Я могу сделать того, что должен, но один. А последствия...

- Будут таковыми, какими должны быть, - заканчивает Иеракс. Он протягивает руку, и онижимают друг другу предплечья. Оба воина чувствуют приближение судьбы.

- Ракеты, - приказывает Иеракс по ротному воксу. - Цельтесь в место соединения пола со стеной. Стреляйте перед врагом.

Афовосу он говорит: - Когда начнется, делай то, что должен.

От команды до исполнения проходят считанные мгновения. Афовос стоит слева от входа в туннель, лицом к своей цели на другой стороне пещеры. Руки подняты и неподвижны, словно спрессовывают воздух. Его окружает вибрирующий ореол, реальность становится неустойчивой.

Разрушители выпускают два десятка ракет. Они устремляются во все стороны пещеры. Половина летит к стене над головами Железных Воинов.

Афовос исчезает, когда начинаются взрывы.

Хроссус слышит визг ракет. Зарывав, он разворачивается. «Отлично», – думает кузнец войны. Его легионеры поворачиваются с ним, чтобы встретить конец.

Конец ослепляет и расплавляет. Он начинается у краев пещеры, как Хроссус всегда планировал. Только он приходит слишком быстро.

Да будет так. И Ультрадесантники ошибаются, если думают, что конец наступит только для Железных Воинов.

Афовос падает через другой туннель, который пронизывает имматериум. Время и пространство разорваны безумием. Тьма своей волей впивается в его череп. Тени безумия и силы стараются захватить его, и он едва удерживает их. Его сила, долго подавляемая и неумелая, возвращается к нему и начинает разрывать его сущность.

А затем все заканчивается. Библиарий возвращается в материум, отшатываясь от сотворенного им разлома, оставляя позади слишком много самого себя. Конечности ощущаются далекими, вяло реагируя на его команды. Он чувствует себя опустошенным. Он несет разлом с собой, и тот зияет пропастью в его сущности. Он попытался сделать слишком много и слишком быстро.

Неважно. Афовос там, где должен быть. Он перенес себя в точку посередине туннеля, который искал. За спиной, из большой пещеры, раздается бесконечная череда взрывов. Над головой проносится жар, словно дыхание вулкана.

Впереди он скорее чувствует, чем слышит напевы. Ультрадесантник, шатаясь, идет вперед, собирая силы для еще одной атаки. Возврата не будет и это к лучшему. Он не доверяет и отвергнет то, что пытается пустить корни в его груди. А силу, что поместила это в него, использует против него же. За спиной в пещеру приходит огонь, а Афовос несет другой огонь перед собой.

Ультрадесантник ускоряется, влекомый ужасом напевов. Он ощущает их, а теперь и слышит. Вопреки реву апокалипсиса в пещере, туннель наполняется чудовищными звуками, которые вызвали и питают варп-шторм. Они извиваются по спирали от пола к стенам и потолку.

Афовос следует зову. Окружение размывается. Он поглощен готовящейся атакой и ожидающей впереди мерзостью.

Библиарий добирается до часовни Несущих Слово, и хотя он разрывает себя на части, хотя использование псайкерских сил убивает его, Афовос поглощен необходимостью того, кем является и что делает. Для борьбы с теми, кого он видит, необходимо оружие подобное ему.

Несущих Слово много, и в то же время они едины. Четверо легионеров окружают пятого в центре. Они стоят на руне, которая кажется в один миг восьмиконечной звездой, а в следующий – кружащейся массой рычащих пастей. Афовос видит каждого Несущего Слово, но не может отметить разницу между одним предателем и другим. Свет и реальность изгибаются вокруг них, размывая сущность. Кажется, что руки вытягиваются слишком сильно, конечности одного Несущего Слово сливаются с конечностями другого. Все их голоса сливаются в один, и он – канал для бесконечных нечеловеческих голосов извне. Над ними вращается вихрь, растворяя различие между подземным помещением и всей системой Карчера.

Несущие Слово замечают Афовоса. Они одновременно поворачивают головы к нему. Он ничего не значит перед силой, вызванной ими.

Но он быстрее.

Афовос выпускает собранную им силу. Он разрывает воздух над предателями, между ними и пастью вихря. Разлом разрезает разлом, и напевы прерываются. Слаженность утрачена, и ярость варпа врывается в часовню. Неконтролируемая и неудержимая. Разложение и безумие наполняют пространство и проносятся по туннелю. Огромный выброс энергии умирает сразу, как только высвобождается, пожирая существ, чьи заклинания ему нужны для существования.

Ярость также охватывает и Афовоса. Распадение – это агония, и оно же – ужас.

А также победа.

Ракеты активируют мины. Цепная реакция взрывов проносится по окружности пещеры и по полу дюжиной диагоналей. Пол пещеры – тонкий слой камней поверх железного диска, подготовленного на самоуничтожение. Иеракс аплодирует эффективности ловушки. Поверхность взрывается, трескаясь и осыпаясь за считанные секунды. У тех, кто стоит на полу пещеры, шансов сбежать нет.

Поверхность проваливается в расплавленное пекло под ним, открывая причину высокой температуры в пещере. Внизу проходят параллельные каналы, заполненные расплавленной рудой. Они разделены узкими стенками, всего в метр шириной. Железные Воины подорвали систему, уже деформированную одновременным заполнением всех каналов, и барьеры между ними осыпаются. Камень и металл падают в ослепительную раскаленную красно-белую субстанцию, и растворяются в ней. Предатели тоже падают.

Грохот взрывов не смолкает, сотрясая стены туннелей. Взрывы разносят далеко за пределы самой пещеры, и Иеракс осознает полный масштаб ловушки. Откуда-то сзади в туннель приходит рокот падающей стены и разрываемого металла. Жар в туннеле, уже обжигающий, становится смертельным. Очередной резервуар, который находится выше, разрушен и изливает свою жидкость в туннель. Темнота сзади освещается багровым сиянием, а затем приходит пятиметровая волна расплавленного металла.

Времени среагировать нет, как и некуда бежать. Испепеляющий потоп захлестывает разрушителей. Он поглощает, сжигает и расплавляет. Он издает глухой рокот, очищая туннель, и легионеры режут в ответ, непокорные до самой последней секунды.

Иеракс стоит у входа в туннель, когда ударяет волна. Сила потока отбрасывает его в сторону. Он падает через жар доменной печи, полагаясь на инстинкт и хватаясь за грубый край скалобетона. Его руки, с которых капает расплавленная руда, дергаются, когда силовой ранец перегревается, и сервомоторы доспеха сбоят. Он вылезает на узкую стенку между каналами.

Сначала он думает, что он один. Его люди мертвы, как и Железные Воины. Затем видит фигуру на другом конце стены. Это капитан предателей.

Иеракс тащится по камню, неуклюже перепрыгивая через трещины, которые открывается при осыпании барьера. Уровень расплавленной руды растет с вливанием новой реки из туннеля за спиной. Взрывы продолжают. Прибывают новые потоки.

Иеракс потерял свой болтер. Неважно. Он убьет последнего предателя руками. Железный Воин хромает

к Иераксу, волоча бесполезную правую ногу. Расстояние между ними кажется бесконечным, и они все еще в пятидесяти метрах друг от друга, когда волны руды обрушиваются на преграды, почти доставая до вершины.

- И это того стоит? - кричит Иеракс предателю. - Ты не остановил нас. Ты потерял все. Ты чего-нибудь добился в этот день?

Железный Воин отвечает долгим и горьким смехом.

- Я не знаю, - говорит он. - А ты?

Под влиянием признания противника Иеракс соглашается:

- Я тоже.

Они замирают в пяти метрах друг от друга, когда поток сметает их со стены.

Эпилог

Предюдия и постюдия

В стратегиуме Великое Сияние Малкадор задает вопрос:

- Что-нибудь еще можно было сделать?

- Нет, - признается Дорн.

Поскольку время до прибытия Гора выходит, Дорн к своему беспокойству обнаруживает, что для предположений времени у него больше, чем ему хотелось бы. Он сделал все, что мог для подготовки к грядущей буре. Что касается XIII легиона, то он попытается не терзать себя мыслями о том, ударит ли копьё Гиллимана вовремя, колеблясь между надеждой и ее отсутствием.

Преторианец и Сигиллит выходят из стратегиума. Они покидают бастион Бхаб. Кажется невозможным, что его монолитные стены из голого камня может что-то пробить. Но Дорн знает, что даже эту мощь можно разрушить.

- Недавно, - говорит Малкадор, - у меня возникло ощущение, что будь у меня достаточно воли, я смогу заглянуть достаточно далеко, чтобы узнать, прибудет ли он.

- Значит и ты.

- Конечно.

Дорн уступает искушению и смотрит вверх.

Небо затянуто смогом. Там ничего нет, кроме черноты.

Там ничего не увидеть, пока небеса не начнут падать.

В голове Гиллимана повторяется отрывок стиха, пока он идет с мостика «Ультимус Мунди» в свои покои.

Это произведение Целиота, летописца зры Терры. Поэма, которую Гиллиман прочитал много лет назад, была незакончена, и он не думал, что она запомнится ему. И все же строчки всплыли в его памяти, насмехаясь над примархом.

Стоило ли это все того,

Чтобы смеяться смерти и судьбе в лицо,

Чтобы ответить на ядовитые вопросы в срок,

Чтобы свести вселенную свою в один клубок.

Гиллиман не мог вспомнить остальное. Только смысл страданий автора, задающего один и тот же вопрос: «Стоило ли это все того?», измученного тенью ответа «Нет».

Вопрос насмехается над Гиллиманом. Все, что было сделано в системе Карчера, и все, что было утрачено, будет иметь смысл, только если он доберется до Терры, прежде чем Гор завоюет ее. Варпшторм стих, и флот снова в пути. Вопрос в том, имеет ли это значение. Он не узнает, был ли смысл в смертях Иеракса и его разрушителей, пока его флот не прибудет к Тронному миру. В этот момент примарх чувствует, что был бы рад обладать даром предвидения, который изводит Сангвиния и Кёрза.

Гиллиман открывает двери в свои покои и останавливается на пороге. Его взгляд прикован к столу. Повреждения, полученные «Ультимус Мунди» от выстрела оборонительного лазера, добрались и до каюты примарха. Комната выглядит как после землетрясения. Книги попадали с полок. Кресла перевернуты.

На столе лежат песочные часы. Они разбиты, а песок рассыпан.

Глоссарий

Iasus – Иас

Hierax – Иеракс

Antalcidas – Анталкид

Kletos – Клетос

Aphovos – Афовос

Gorthia – Горфия

Lanatus – Ланат

Lucretious Corvo – Лукреций Корвон

Ancevan – Анцеван

Tulian Aquila – Тулиан Аквила

Vascas - Васкас
Maesa - Маэса
Bethra Kallan - Бетра Каллан
Taius Netertian - Тай Нетерциан
Khrossus - Хроссус
Darhug - Даруг
Vúrtaq - Вуртак
Navghar - Навгар
Savarran - Саварран
Ker Vanthax - Кер Вантакс
Rissin - Риссин
Grand Borealis Strategium - стратегиум Великое Сияние
Aramea - Апамея
Carchera - Карчера
Siderius - Сидерий
Meratara Cluster - скопление Мератара
Warforged - «Выкованный войной»
House Pytheas - дом Пифей
Glorious Nova - «Блистательная нова»
Cavascor - «Каваскор»
Golden Triumph - «Золотой триумф»
Pride of Talasa - «Гордость Таласы»
Resplendent - «Великолепный»
Parmenio Sentinel - «Часовой Парменион»
Alalia - «Алалия»
Honour Bound - «Долг чести»
Barbican - «Барбикан»
Himera - Химера
Retaliator - «Карающий»

Unbroken Vigil - «Непрерывная вахта»

Dreadstrike - «Грозный удар»

Rennias - Ренниас

Berricus - Беррик

Nervix - Нервикс

Galvius - Гальвий

Flame of Illygium - «Пламя Иллириума»

Zennek - Зеннек

Haartak Triumvirate - Хаартакский триумвират

Domitar - «Домитар»

Vilmius - Вильмий

Tseliot - Целиот, подразумевается американский поэт Т. С. Элиот

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Копье_Ультрамара / _Spear_of_Ultramar_\(новелла\)&oldid=20718](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Копье_Ультрамара / _Spear_of_Ultramar_(новелла)&oldid=20718)

Эта страница в последний раз была отредактирована 18 августа 2022 в 11:39.